

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Центр военно-политических исследований

**Проект долгосрочной стратегии
национальной безопасности России
с методологическими и методическими
комментариями**

Издательство
«МГИМО–Университет»
2016

УДК 327
ББК 66.4
П79

Аналитические материалы подготовлены в рамках проекта РНФ
«Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» № 14-18-02973

Авторы:

*А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.), М. В. Харкевич,
М. В. Александров, О. Е. Родионов*

Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России
П79 **с методологическими и методическими комментариями** / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.] ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 88 с.

ISBN 978-5-9228-1508-6

Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности представляет собой результат практического применения методологии долгосрочного анализа развития системы международных отношений, основанный на теории сложности, цивилизационном подходе, казуальной иерархии трех уровней международных отношений: цивилизационного, международно-политического, военно-политического. Проект сопровождается подробными методологическими и методическими комментариями.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-9228-1508-6

© МГИМО МИД России, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕКТОРА МГИМО МИД РОССИИ, АКАДЕМИКА РАН А. В. ТОРКУНОВА	5
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА АО «КОНЦЕРН ВКО „АЛМАЗ-АНТЕЙ“» Я. В. НОВИКОВА	7
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ К ПРОЕКТУ ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	9
Глава I. Основные допущения стратегического прогнозирования развития системы международных отношений	11
Глава II. Современная структура международных отношений	14
Глава III. Наиболее вероятный сценарий развития международной обстановки до 2050 г.	16
Глава IV. Основные этапы развития сценария «Глобальное военно-силовое противоборство»	26
МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗРАБОТКЕ ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	33
Глава I. Структура стратегии национальной безопасности	35
Глава II. Политико-правовой статус стратегии национальной безопасности	42
Глава III. Преамбула стратегии национальной безопасности	48
Глава IV. Современная международная обстановка и положение России в системе международных отношений	49
Глава V. Текущие и перспективные угрозы национальной безопасности России	54
Глава VI. Пути и способы обеспечения национальной безопасности России в условиях наиболее вероятного сценария развития МО	59
Глава VII. От управления рисками к управлению стойкостью: смена парадигмы информационно-технологического обеспечения стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности	70
ПРОЕКТ ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	79
Глава I. Общие положения	81
Глава II. Стратегический прогноз развития международной обстановки и России в первой половине XXI века	83
Глава III. Система национальных ценностей и интересов	84
Глава IV. Цели и задачи «Стратегии»	85
Глава V. Внешние условия развития нации и реализации «Стратегии»	85
Глава VI. Ресурсное обеспечение реализации «Стратегии»	86
Глава VII. Полномочия федеральных, региональных и местных органов власти, а также институтов гражданского общества и отдельных граждан в области обеспечения национальной безопасности и развития	86
Глава VIII. Политико-идеологические, организационные, нормативно-правовые и информационные основы реализации «Стратегии»	88

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕКТОРА МГИМО МИД РОССИИ, АКАДЕМИКА РАН А. В. ТОРКУНОВА

Международная политическая практика все чаще обращается сегодня к теории международных отношений. Нестабильность мировой политической арены вынуждает практиков опираться на теоретические знания. Наука дает надежду на ясность и предсказуемость и тем помогает принимать политические решения в сложном и постоянно меняющемся мире. Нужно, правда, оговориться, что ясность эта относится только к тому миру, который сама же эта наука и создает. Именно этот теоретический мир поддается надежному прогнозированию, объяснению и, в конечном счете, управлению. Фальсифицируются такие миры отнюдь не реальностью, непосредственного доступа к которой ни у кого нет, а другой более успешной с объяснительной точки зрения парадигмой, т.е. другим теоретическим миром. В этом круговороте сменяемых друг друга парадигм долгосрочное прогнозирование приобретает функции конструирования альтернативных миров. Поэтому прогноз должен быть максимально детальным и точным, а главное — соответствовать ценностям и интересам его авторов. Убедительный долгосрочный прогноз становится, таким образом, ресурсом влияния в мировой политике.

В этой связи инициатива авторского коллектива МГИМО во главе с профессором А. И. Подберезкиным по разработке детального долгосрочного прогноза развития системы международных отношений до 2050 г., а также формулирование на его основе проекта долгосрочной стратегии национальной безопасности России представляется актуальной и важной как с научной, так и с политической точек зрения. С одной стороны, нам следует активнее включаться в общемировую конкуренцию долгосрочных прогнозов. С другой стороны, даже если до вооруженного противоборства между локальными цивилизациями, предрекаемому авторами исследования, дело и не дойдет, такой прогноз и сформулированная на его основе стратегия национальной безопасности позволит нашей стране лучше подготовиться к подобному пессимистичному развитию событий. В современном мире обеспечение национальной безопасности подразумевает реагирование не только на явные и неотвратимые угрозы, но и на возможные и отдаленные риски, так как цена вопроса очень высока — выживание российской нации и российской цивилизации.

Ректор МГИМО МИД России,
Академик РАН
А. В. Торкунов

A handwritten signature in blue ink, appearing to read 'A. V. Torquov'.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА АО «КОНЦЕРН ВКО „АЛМАЗ-АНТЕЙ“» Я. В. НОВИКОВА

Представляемый проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России основан на исследовании закономерностей развития системы международных отношений, которыми Центр военно-политических исследований МГИМО занимается с самого начала своего существования. Полученные теоретические наработки, в ходе этого исследования, сотрудники Центра применили для построения наиболее вероятного долгосрочного сценария развития системы международных отношений. К сожалению, но во многом это закономерно, что таким сценарием является военно-силовое противоборство между отдельными цивилизациями, в котором западная локальная цивилизация будет стремиться сохранить свое лидирующее положение, используя для этого, не только военные, но и преимущественно, невоенные средства, такие как публичная и цифровая дипломатия, информационное давление, цветные революции и т.п. Предлагаемый проект стратегии национальной безопасности создает, на мой взгляд, новую концептуальную и нормативную основу для подготовки и эффективного ответа со стороны России на возрастающую агрессию западной цивилизации. Проект снабжен подробными методологическими и методическими комментариями и пояснениями, что упрощает его практическую реализацию.

Генеральный директор
АО «Концерн ВКО „Алмаз–Антей“»
Я. В. Новиков

A handwritten signature in blue ink, which appears to be 'Novikov', written in a cursive style.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ
К ПРОЕКТУ ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИИ**

Глава I

Основные допущения стратегического прогнозирования развития системы международных отношений

1. **Система международных отношений находится либо в состоянии самоорганизации, либо в состоянии хаоса.** Способность к самоорганизации системы международных отношений позволяет прогнозировать ее долгосрочное развитие, т.к. в основе самоорганизации находятся объективные закономерности. Напротив, если система пребывает в хаотическом состоянии, предсказать ее развитие даже в краткосрочный период принципиально невозможно.

Для определения состояния системы международных отношений необходимо выявить показатели четырех ее параметров: уровня разнообразия элементов, уровня взаимосвязи элементов, уровня взаимозависимости элементов и скорости распространения норм в системе. Если показатели всех четырех критериев находятся в своих медианных значениях, система пребывает в состоянии самоорганизации. Если показатели всех четырех критериев находятся в своих экстремальных значениях, в системе начинается хаос. Полный хаос и идеальная упорядоченность — это экстремальные точки, в которых система оказывается редко. Чаще всего она располагается между ними, в направлении хаоса или порядка.

2. **Современная система международных отношений находится в состоянии практически полного хаоса и поэтому не прогнозируема.**

Разнообразие акторов международных отношений постоянно растет за счет неправительственных международных организаций, транснациональных компаний, распределенных интернет-сообществ и т.д. Взаимосвязь между ними обеспечивает Интернет, доступ к которому распространяется по всей планете. Взаимозависимость возникает благодаря общим глобальным угрозам и интеграционным проектам, которые имеют уже не только региональную, но и трансрегиональную природу. Единственно, что пока сдерживает систему от максимальных показателей всех четырех параметров — это укрепление цивилизационной динамики, которая препятствует быстрому распространению норм по миру. Нормы сложно преодолевают цивилизационные границы.

Окончание холодной войны, распад СССР, возникновение ИГИЛ, резкое охлаждение отношений между Россией и Западом, мировые экономические кризисы 1998 г. и 2008 г. застали исследователей международных отношений врасплох, делая их обычными комментаторами происходящих событий. Непредсказуемость развития системы международных отношений связана с ее сложностью. Это стохастическая система, состоящая из множества волевых, взаимосвязанных и взаимозависимых акторов, действующих на различных уровнях, без достаточной информации о себе и своих конкурентах в условиях дефицита времени. В результате предсказать, как будет вести себя каждый конкретный элемент системы международных отношений или что станет с самой системой в среднесрочной и тем более в долгосрочной перспективе невозможно.

3. **Долгосрочное прогнозирование международных отношений рассматривается как стратегическое планирование.** Несмотря на то, что спрогнозировать развитие международных отношений невозможно, необходимо принимать конкретные решения и предпринимать действия здесь и сейчас. Государство должно выбрать один из

базовых прогнозов развития международных отношений, как минимум, для выделения приоритетов своего развития и распределения ресурсов. Поэтому прогноз должен быть максимально детальным и конкретным, он ложится в основу детального плана действий и мероприятий.

Данное допущение противоречит здравому смыслу, но не логике развития человеческой цивилизации. Здравый смысл требует разделять прогноз и план, но на практике они оказываются неразделимыми, если речь, конечно, идет о реальных сложных, адаптивных общественных системах, а не о прогнозировании развития абстрактной системы или схемы.

Проявлением перехода прогнозирования в планирование является феномен виртуализации международных отношений. Искажение действительности в политике — невольное или сознательное — происходило и прежде, но в XXI веке оно приобрело другое качество: изначально прогнозируется, планируется и создается заведомо ложная, «виртуальная» реальность, под которую позже, с помощью самых разных средств, подгоняется действительность. Так, если в начале 1990-х годов в Европе создавалась ложная, «виртуальная» реальность «Югославия-агрессор», которую потом превратили в подлинную, реальную международную обстановку, по отношению к которой применили военную силу, то сегодня то же самое делается и по отношению к России, что иногда вводит в заблуждение не только общество, но и некоторых представителей правящей элиты страны, считающих, что эту «ошибку» можно исправить объяснениями.

4. **Глобализация постепенно сменяется регионализацией в форме утверждения локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ).** Усиление региональной цивилизационной динамики является ответом на глобализацию. Формируются локальные человеческие цивилизации вокруг государств, играющих роль регионального лидера. Россия является центром для евразийской цивилизации, США — для западной цивилизации, Китай — для азиатской цивилизации, в Латинской Америке — Бразилия, в Европе — Германия. В исламской цивилизации лидер пока не определен.
5. **Очередная война между великими державами за лидерство неизбежна, она будет носить межцивилизационный характер.** Взаимное ядерное уничтожение между великими державами уже не гарантировано. Ядерное сдерживание ослабевает из-за развития кибер оружия, глобального ПРО, но главное — из-за распространения практики сетецентрической войны, благодаря которой можно сменить политическую элиту практически в любом государстве, сохранив при этом его население, армию, инфраструктуру и экономику.

В связи с этим необходимо:

- переоценить внешнеполитические приоритеты с учетом развития военно-силового сценария, прежде всего с точки зрения возможных союзников и партнеров;
- пересмотреть структуры военной организации России, которая до настоящего времени не включает, как минимум, три крупные группы ресурсов — идеологию, институты гражданского общества и частный бизнес;
- пересмотреть планы оборонного строительства с учетом специфики навязываемой системной сетецентрической войны.

Но, прежде всего, необходимо признать, что современная «точка отсчета» развития существующего сценария международной обстановки уже говорит о начале против России сетецентрической войны и требует сделать соответствующие политические выводы.

Такое смелое решение, естественно, потребует веского обоснования (хотя никто не может гарантировать абсолютной точности такого обоснования), которое имеет огромные последствия для государства. От этого зависит ресурс времени, который является очень важным, а иногда и невозполнимым ресурсом.

Подготовка к современной войне занимает уже не годы, а десятилетия. Она требует не только новых НИОКР, но и фундаментальных исследований, разработки новых технологий, а также существенных корректив в существующей военной организации государства и управлении страной, обществом и вооруженными силами, нового качества национальной мобилизации.

6. Любой прогноз строится в рамках субъективной картины мира (либо разработчика сценария, либо его заказчика).

В сфере стратегического долгосрочного планирования исследователи также пользуются той картиной мира, которая доминирует в их сознании. Так как сфера планирования включает в себя не только технологический и экономический компоненты, но и политический, на процесс долгосрочного планирования влияние могут оказывать и философская, и религиозная картины мира. Политика, в конце концов, — это практическое выражение морали, того, что человек, общество и государство желают иметь или того, чем они желают быть.

Формируемый стратегический долгосрочный прогноз, таким образом, должен быть непротиворечивым в рамках картины мира его создателя или адресата. Проблема заключается в том, что состояние мира через 30 или 50 лет может противоречить любой существующей сегодня картине мира. Можно ли представить мир, основным источником энергии в котором служит Солнце, а не углеводороды; мир без традиционных ценностей семьи и брака; мир без четкой гендерной дифференциации; мир без ядерного оружия; мир, в котором солдатами будут роботы и т.д.

Поэтому долгосрочное прогнозирование должно предполагать постоянную проблематизацию априорных допущений плана с тем, чтобы эти допущения можно было менять вслед за меняющейся реальностью. Если допущения останутся константой в постоянно меняющемся мире, то любое планирование на их основе обречено на провал.

Прогнозирование, основанное на допущениях, разбивается на пять основных шагов. Первым шагом является выявление допущения в плане.

Следующие шаги состоят в выявлении допущений, от которых успех плана зависит в наибольшей степени, а также допущений, которые являются наиболее уязвимыми от внезапных поворотов будущих событий. Допущения, которые одновременно являются и критическими для успеха плана, и наиболее чувствительными к изменениям контекста, могут преподнести самые неприятные сюрпризы.

Для предупреждения возможных неприятных сюрпризов предлагается три инструмента: указатели, формирующие действия и хеджирующие действия. Указателями служат некоторые показатели состояния критических и уязвимых допущений, которые необходимо постоянно мониторить. Указатели являются событиями или пороговыми значениями состояний, которые в случае обнаружения при мониторинге будут указывать на то, что уязвимое допущение провалилось и требуется изменение или исправление первоначального плана.

Системными указующими являются выделенные выше четыре параметра системы: уровень разнообразия элементов, взаимосвязи элементов, взаимозависимости элементов и скорости распространения норм в системе.

Формирующие действия необходимы для поддержания допущений, для обеспечения контроля над будущим настолько это возможно. Формирующие действия призваны обеспечить реализацию допущений в интересах планировщика.

Хеджирующие действия позволяют подготовиться к ситуации, когда критически важные, но уязвимые допущения, все же, провалились, несмотря на все формирующие действия, направленные на их поддержку. Хеджирующие действия определяются путем проигрывания сценария, в котором критические допущения провалились. Такой гипотетический сценарий позволит увидеть, что можно будет сделать в этом случае.

Нельзя надеяться, на то, что удастся выявить все причины, почему план может провалиться или подготовить план, который будет способен выдержать любые изменения контекста. Существует бесчисленное количество событий, которые могут нарушить даже самый лучший план. Основная задача долгосрочного прогнозирования состоит в том, чтобы отслеживать возможные нарушения допущений, сделанных в прогнозе и быть готовым к реагированию на них.

Глава II

Современная структура международных отношений

Состояние системы международных отношений в определенный период времени характеризуется¹:

- составом, уровнем развития и политикой основных суверенных субъектов международной обстановки (МО) — локальных человеческих цивилизаций, наций и государств;
- составом, влиянием и политикой основных негосударственных акторов МО — как международных, так и национальных;
- основными тенденциями в развитии человечества и его ЛЧЦ, а также отдельных регионов;
- влиянием субъективных факторов, являющихся в основном производными от развития национального человеческого капитала и его институтов;
- наконец, отношениями и взаимодействием между всеми этими факторами и тенденциями.

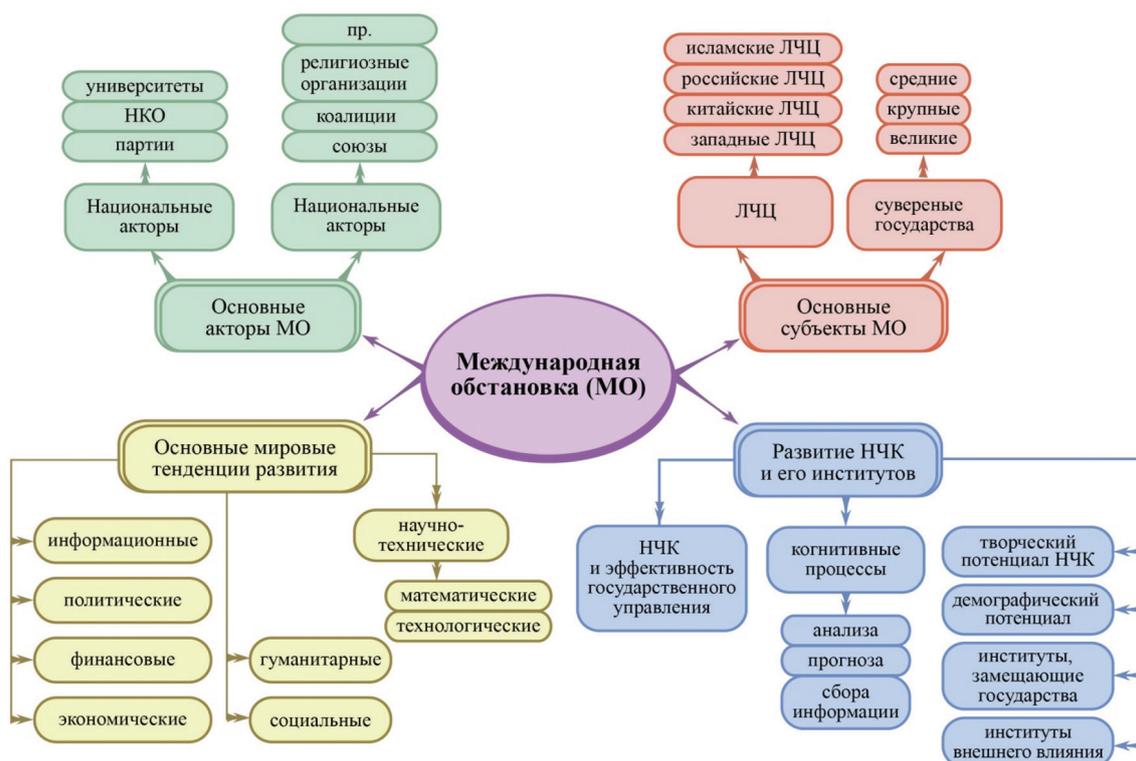
Следует сделать две важные оговорки:

Во-первых, эти группы факторов, акторов и тенденций делятся до самых мелких составляющих, которые также требуют своего анализа. Так, группа факторов — «субъекты МО» — может быть не только ограничена в своем анализе великими державами, членами «двадцатки», членами ОЭСР, либо даже «только» членами ООН, но и количеством отобранных критериев, которое может варьироваться от основных 7–10 (ВВП, площадь территории, население и др.) до 90–120.

¹ Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО, 2014. — 464 с.

Во-вторых, МО представляет собой систему взаимоотношений этих групп факторов и тенденций, а не простой их набор (даже очень большой, пусть даже сделанный в динамике), что предполагает как выделение взаимосвязей между этими группами, так и определения их влияния. Мало, например, знать объем ВВП США в 2030 году, численность их ВС, количество и качество ВиВТ и т.д. для того, чтобы определить степень их влияния на тот или иной сценарий развития МО. Надо знать и мощь других государств, ЛЧЦ и акторов, влияние глобальных тенденций, наконец, идеологию правящей элиты США, включая частные взгляды на военную политику и стратегию².

Структура («Карта мыслей») МО в XXI веке

На этой «карте мысли» представлений о МО в XXI веке только обозначены основные группы факторов и тенденций, формирующие МО³ и — как ее часть и следствие — военно-политическую обстановку (ВПО)⁴. Соответственно, если мы хотим проанализировать современное состояние, а тем более сделать стратегический прогноз развития МО, то мы должны в максимально полной мере учесть не только существующее состояние (как минимум, основных) факторов и тенденций, но и степень взаимовлияния и взаимодействия между ними⁵.

² Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО, 2015. — С. 111–162.

³ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО, 2015.

⁴ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО, 2014.

⁵ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО, 2015.

Глава III

Наиболее вероятный сценарий развития международной обстановки до 2050 г.

В качестве наиболее вероятного сценария развития МО до 2050 годов был предложен сценарий силового противоборства западной Локальной человеческой цивилизации с другими ЛЧЦ, центрами силы и странами за сохранение своего контроля над созданными этой ЛЧЦ военно-политической и финансово-экономическими системами в мире в предыдущие десятилетия.

Вместе с тем, анализируя развитие будущих сценариев МО важно подчеркнуть очень сильное влияние субъективного (личностного) фактора. Так, в ходе соцопроса экспертов, проведенного Центром военно-политических исследований МГИМО МИД России в ноябре 2015 года, достаточно ровное отношение было высказано относительно четырех возможных вариантов сценариев развития МО, т.е. не было высказано явного предпочтения.

В перспективе до 2025 года будет доминировать первый из указанных сценариев, который постепенно будет вытеснен сценарием №2 после 2020–2025 годов.

Вариант №	Сценарии
1	Гегемонический регионализм — сохранение одного из международно-политических регионов западной ЛЧЦ в качестве глобального лидера при существовании значительного пространства свободы для остальных центров силы.
2	Мир региональных империй — формирование региональных политических объединений с высоким уровнем внутренней консолидации и жесткими экономическими, идеологическими и социокультурными барьерами между ними.
3	Биполярность — разделение мира между двумя центрами силы на сферы влияния и развитие в каждой из них самостоятельной «полуглобальной» инфраструктуры, политики и идеологии.
4	«Зонтичная» глобализация — формирование полузакрытых международно-политических регионов при сохранении глобальной западной инфраструктуры. Глобализация полностью не отменяется, но трансформируется ее логика, правила и нормы.

Этот сценарий может быть реализован в нескольких вариантах, которые условно обозначены как «пессимистический», «реалистический» и «оптимистический» в зависимости от степени присутствия в них военного компонента среди прочих силовых инструментов политики. Так, в системе силовых средств «оптимистического» варианта собственно военно-силовые средства не играют решающего значения хотя и оказывают существенное влияние («ядерное сдерживание», «угроза использования военной силы» и т.п.), а при реализации «пессимистического» варианта сценария развития МО этот сценарий, по сути, трансформируется в сценарий развития ВПО и даже стратегической обстановки (СО)⁶.

⁶ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО, 2015. — 169 с.

Логику такого развития того или иного сценария МО или его варианта можно проиллюстрировать следующим образом с весьма существенной оговоркой: эта логика представляет процесс развития взаимоотношений ЛЧЦ и основных субъектов и факторов МО в самом общем виде.

Как видно из этого рисунка, развитие ВПО, СО и вероятных войн и конфликтов во многом детерминировано развитием МО и отношений между ЛЧЦ. Справедливо, однако, и обратное утверждение: влияние войн, конфликтов и логики военно-технического и военно-политического развития на МО не только существует, но и может быть весьма существенным, хотя (на данном рисунке) оно и не показано.

США и Запад в целом смогут реализовать цель по сохранению статус-кво только в том случае, если они:

- смогут сохранить военно-политическую коалицию Запада (и «систему ценностей») относительно других цивилизаций и государств;
- смогут закрепить существующее в настоящее время у Запада технологическое и, особенно, военно-техническое превосходство над остальными ЛЧЦ;
- не допустить создания иными ЛЧЦ своих коалиций, ведущих к стабилизации военно-политической обстановки на планете в целом и в отдельных ключевых регионах.

Таким образом, в среднесрочной перспективе будут складываться все условия для обострения МО и усиления военно-силового противоборства между ЛЧЦ из-за стремления

США нейтрализовать нарастающие в мире процессы, угрожающие монопольному праву США контролировать МО в мире. Это же с неизбежностью означает, что в начале 20-х годов нашего века начнется новый этап, который с высокой степенью вероятности можно охарактеризовать как вероятный этап глобального вооруженного противоборства западной ЛЧЦ с другими локальными цивилизациями, прежде всего российской, за сохранение этой монополии, с одной стороны, и ее нарушение, с другой⁷. Другими словами, можно констатировать, что за 2015–2025 годы должен завершиться этап подготовки глобального военного конфликта, в ходе которого западная ЛЧЦ предполагает взять реванш и таким образом восстановить свое доминирующее положение в системе международных отношений.

После 2021 года произойдет смена парадигм в международной области:

- окончательно закончится формально «мирный» период в отношениях между Российской и западной локальными цивилизациями (который в действительности означает просто скрытую фазу начавшейся между ними войны), а также возможно другими ЛЧЦ. Причем, ограничение этой формально мирной фазы 2013–2021 годами достаточно условно потому, что до 2013 года эта скрытая фаза была тщательно замалчиваемой. Но после 2013 года игнорировать эту реальность было уже просто невозможно, хотя ее «миролюбивые» трактовки по-прежнему продолжали существовать;
- к 2021–2022 годам завершится в основном военно-техническая подготовка западной ЛЧЦ к глобальной войне, т.е. будут полностью развернуты наиболее эффективные виды и системы оружия. Основные циклы: появление идеи — ТЗ — НИОКР — создание опытных образцов — испытание, уже завершаются, что говорит о том, что их полномасштабное производство может быть организовано в достаточно короткие сроки. Прежде всего, речь идет о ВТО — крылатых ракетах всех типов базирования, чья численность может превысить 20 тыс. ед., развернутых в основном по регионам, а также широкомасштабная система ПРО и т.д.

Современные концепции использования технологического превосходства в ходе глобальной войны просматриваются уже сегодня. Это концепции глобального разоружающего удара, ведения глобальной войны с помощью воздушно-космических средств (прежде всего ВТО), создания эффективной глобальной системы ПРО и т.п. Суть их — независимо от названия и терминологии — одна: дать возможность США в глобальном масштабе по своему выбору использовать военную силу в прямой или косвенной форме в качестве политического инструмента без высоких рисков и масштабных издержек;

- завершится окончательное формирование военной коалиции, состоящей не только из стран-участниц НАТО, но и двух «суперблоков» — ТТП и ТАП, а также оформление целой серии двусторонних соглашений. К этому времени западная ЛЧЦ сможет представлять из себя вполне единую военно-политическую коалицию, которая объединена не только общей системой ценностей, интересов и целей, и единой системой управления, но и концентрирует основные ресурсы планеты, способные обеспечить достижение этих целей. Такая глобальная коалиция, по

⁷ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 128–129.

оценкам западных стратегов, сможет под контролем США обеспечить западной ЛЧЦ сохранение существовавшего до 2020-х годов в мире статус-кво⁸.

- до 2021–2022 годов западной ЛЧЦ удастся внести с помощью стратегии «управляемого хаоса» разлад и дезинтегрировать ряды возможных противников, а другие страны — шантажировать подобным возможным развитием событий. Речь идет, прежде всего, о России, Китае, Индии, Иране, Венесуэле и Бразилии. Такая стратегия должна серьезно ослабить ряды потенциальных оппонентов, которых отличала от других стран некая большая свобода в политике и более широкое восприятие государственного суверенитета.

Столкновение локальных цивилизаций не просто неизбежно, но уже началось: западная ЛЧЦ хочет, во что бы то ни стало, уже не просто сохранить свое господство, но и подчинить себе другие. Более того, она уже начала — системно и последовательно — этот глобальный процесс. Поставки западных ВиВт на Украину это фактически военное участие (пусть и «опосредованное, как говорят на Западе») в цивилизационном конфликте. Вместе с тем, крайне маловероятно, что изменение в соотношении мировых сил, с одной стороны, и попытки западной ЛЧЦ сохранить сложившуюся военно-политическую и финансово-экономическую систему силовыми средствами, с другой, не приведут к войне.

В современном международном контексте невоенные сценарии развития МО никак нельзя включить в число наиболее вероятных. Вопрос стоит лишь о «доле» собственно военной силы и других инструментов «жесткой силы» в общей силовой компоненте этой войны будущего. Очень приблизительно эту «долю» можно показать в виде следующей таблицы.

Роль «жесткой силы» и «мягкой силы» в ходе эволюции различных сценариев и их вариантов развития МО

	«жесткой силы»	«мягкой силы»
МО в 2015 г.	60%	40%
МО в 2021 г.	70%	30%
МО в 2025 г.	80%	20%
МО в 2025–2026 гг.	85%	15%
МО в 2026–2029 гг.	90%	10%
МО в 2030 г.	95%	5%
МО после 2030–2031 гг.	?	?

Таким образом, можно констатировать, что роль «жесткой силы» в международных делах будет неуклонно возрастать. Поэтому наиболее вероятным сценарием развития МО на перспективу до 2050 года является сценарий постепенной эволюции силового

⁸ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. — М.: МГИМО, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

⁹ *Верхожанцев А.* Приметы третьей мировой войны / Эл. ресурс: «ЦВПИ» / <http://eurasian-defence.ru>. 2015. 2 марта.

противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, прежде всего российской, в вооруженную борьбу за сохранение существующей подконтрольной Западу финансово-экономической и военно-политической системы в мире.

Поэтому начало XXI века знаменует собой завершение периода относительно мирного господства США, который вызвал определенную «стратегическую паузу», с одной стороны, и начало периода открытого военного реванша со стороны США, — с другой. К настоящему моменту США отчетливо продемонстрировали, что не готовы отказаться от выгодной политической монополии на военную силу и власть в условиях изменения глобального соотношения сил. Это означает, что для них и для Запада в целом, по сути дела, стало неважно какими способами заставить Россию принять навязываемые ей «правила игры» и поведения в мире.

Когда речь идет о готовности использовать любые средства, это означает только одно: готовность использовать, в том числе любые военные средства. Спектр этих средств в наше время не просто достаточно, но чрезвычайно широк. По сути дела границы между военными и мирными средствами не существует, а значит, нет и границы между войной и миром. Нет границы между МО и СО, что, конечно же, требует своего политического признания, ибо находится далеко от традиционных политических представлений о политике, дипломатии и войне.

Можно уже, например, говорить о том, что формирование не только ВПО, но и МО происходит с учетом и под непосредственным влиянием новейших современных реалий СО, т.е. фактически уже ведущейся против РФ сетецентрической войны. Иначе говоря, классическая формула «война — продолжение политики насильственными средствами» уже во многом устарела. Война — не только продолжение политики, но и ее составная часть даже в относительно «мирное» время. Иначе говоря, формула Оруэлла «Мир — это война» стала реальностью.

Надо признать тот факт, что сегодня не существует четкой грани между политикой и войной, начало которой признается в том случае, когда войска переходят границу, захватывают территории, масштабно используют военную силу, наконец, политики объявляют войну, а дипломаты разрывают отношения. Сегодня все эти атрибуты войны существуют во время «мирного» политического процесса, когда «партнеры» ведут переговоры, продолжают сотрудничество в некоторых областях и т.д. Россия помогает сопротивлению на Донбассе, одновременно предоставляя кредиты Киеву и не прекращая поставки газа. Именно такой «оптимистичный» вариант сценария глобального противоборства западной ЛЧЦ с Россией представляется очень вероятным. По сути, он явится пролонгацией реализуемого сегодня сценария с той разницей, что элементов сотрудничества останется еще меньше, а военного противоборства — больше.

Сценарий «Глобального военно-силового противоборства» может развиваться по нескольким вариантам в зависимости от конкретных политических и иных условий, сложившихся к началу этого периода. Условно можно выделить три варианта этого сценария: пессимистический, реалистический и оптимистический. Наглядно это разделение показано на нижеследующей схеме¹⁰.

¹⁰ Здесь и далее: *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО, 2015. — 581 с.

Самый общий сценарий развития МО после 2021 года

Эти варианты одного и того же сценария отличаются, прежде всего, ролью, значением, масштабом и интенсивностью использования военной силы. Как видно из нижеследующего рисунка, до 2021 года прогнозируется усиление силового фактора во всех вариантах избранного вероятного сценария развития МО и отношений между ЛЧЦ, но наиболее ярким и негативным образом этот сценарий развивается в варианте отношений между западной и российской ЛЧЦ. Более того, предполагается, что его эскалация будет происходить и дальше не только в ближнесрочной (2016–2017 гг.), но и среднесрочной (до 2021–2022 гг.) перспективе.

Если сейчас попытаться оценить вероятность того или иного варианта сценария после 2021 года в зависимости от существующих современных тенденций, то ее можно предположительно поделить следующим образом:

«Оптимистический» вариант (№3) — 10%.

«Реалистический» вариант (№2) — 20%.

«Пессимистический» вариант (№1) — 50%.

Иной возможный сценарий развития МО — 20%.

Говоря об этих вариантах одного и того же глобального сценария, следует иметь в виду, что, во-первых, еще до начала его полномасштабной реализации в 2021–2022 годах военная сила уже стала неотъемлемой частью внешней политики западной ЛЧЦ, т.е. ее современным атрибутом и элементом современного сценария развития МО. Во-вторых, любой из вариантов (как указанных ниже, так и возможных других) будущего сценария МО после 2021–2022 годов неизбежно будет опираться на военную силу и ставку на военно-техническое и технологическое превосходство западной ЛЧЦ.

Вариант №1 («оптимистический») предполагает достаточно быстрое замещение политико-дипломатических средств обеспечения международной, региональной и национальной безопасности военно-политическими и военно-техническими средствами, девальвацию международных институтов безопасности и их вытеснение коалиционными институтами (ООН и ОБСЕ, например, Евросоюзом и НАТО), а также создание новых способов и средств силового обеспечения глобальной политики.

Этот вариант, в частности, предусматривает в политической области системное сочетание как политико-силовых, экономико- и финансово-силовых методов с вооруженными методами, ограниченными по способам, средствам и масштабам использования военной силы, так и сетецентрические методы ведения вооруженной борьбы. Сочетание усиления силовых мер, сворачивание сотрудничества и постепенное втягивание в вооруженное противостояние в 2014–2015 годах отчетливо характеризуют этот вариант.

Как и в годы холодной войны, «оптимистический» сценарий военного противоборства не предполагает массового вооруженного воздействия со стороны западной ЛЧЦ: этот риск планируется минимизировать за счет использования вооруженных сил сателлитов, ЧВК и инструкторов, которые смогут использовать качественную военную технику и вооружения (как, например, «Стингеры» в Афганистане). Пример с поставками военного снаряжения на Украину в 2015 году и направление американских спецподразделений в Сирию — только самое начало этого процесса.

Поэтому «оптимистический» вариант сценария «Глобального военно-силового противоборства» предполагает в то же время эскалацию военного конфликта до существенно больших масштабов, чем это имеет место сейчас. В этом смысле данный вариант неизбежно будет более насыщен военными компонентами, чем нынешний сценарий развития МО, который уже характеризуется как новое издание «холодной войны». По сути дела, это могут быть военные конфликты на нескольких ТВД с использованием клиентских государств и террористических организаций.

Вместе с тем, сохранение «оптимистического» варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» может прогнозироваться в случае сохранения части относительно благоприятных внешних условий, которые могут существовать в 20-ые годы XXI века и которые будут ограничивать собственно вооруженные (но не силовые) способы воздействия, а именно:

- сохранения достаточно высокого уровня противоречий в рамках сложившейся военно-политической коалиции западной ЛЧЦ;
- успешного развития интеграционного проекта в Евразии вокруг «российского ядра»;
- нарастания противоречий между западной ЛЧЦ и другими локальными цивилизациями, прежде всего исламской, китайской и латиноамериканской;
- успехами в технологическом, социально-экономическом и военно-политическом развитии России и ее союзников.

Очевидно, что в среднесрочной перспективе до 2021–2022 годов, когда указанные выше и другие тенденции в целом известны, можно рассчитывать на то, что западная ЛЧЦ не успеет в полной мере подготовиться к новому этапу и сценарию развития МО, в т.ч. в военно-технической области, что существенно скажется на ее возможностях и сделает этот «оптимистический» вариант сценария развития достаточно вероятным. Такую вероятность этого «оптимистического» варианта сценария МО можно оценить после 2021 года в 35–40%.

Вариант №2 («реалистический»). Переход сетевой и сетецентрической войны западной ЛЧЦ против российской ЛЧЦ на качественно новый уровень, предполагающий постепенную смену существовавшей парадигмы на парадигму открытого военного противоборства (возможную даже еще до 2021–2022 гг.). По сути дела этот вариант предполагает откры-

тую войну, ограниченную отдельными ТВД, средствами и способами ее ведения, а также масштабами и интенсивностью применения военной силы.

Реалистичность данного варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» после 2021–2022 годов во многом предопределяется не только развитием тенденций, указанных для Варианта №1, но и силой существующей инерции, эффективностью сложившихся международных механизмов, прав, традиций и привычек. С некоторой долей условности можно провести сравнение с нарастанием военно-силового противоборства перед Второй мировой войной. Речь, в частности, идет о гражданской войне 1936–39 гг. в Испании; начале войны Японии с Китаем в 1937 г.; расчленении в 1938 г. Чехословакии и вооруженном конфликте Японии с Монголией и СССР на реке Халхин-Гол в 1939 году.

Реализация Варианта №2 до 2021 года требует если не признания публично новой парадигмы в международных отношениях, основанной на праве силы, то молчаливого согласия с этим, что будет одновременно означать крах сложившейся правовой и политической системы в области международной безопасности. Такое достаточно циничное признание потребует не менее цинично публичной дискредитации международных институтов, норм и права, которые пока что необходимы западной ЛЧЦ в ее системной борьбе за сохранение мирового контроля.

Этот процесс, начавшийся с войны в 1991 году в Ираке, во многом фактически завершился к 2015 году, но для его публичной легитимизации потребуется еще какое-то время. Есть основания полагать, что этот процесс будет ускоряться, но получит окончательное завершение только к 2021–2022 годам, когда новые представления о международных нормах и правилах, и институтах получают свое публичное закрепление.

Для России этот наиболее «реалистичный» вариант сценария развития МО — самый опасный. Он позволяет США и их союзникам:

- использовать свое экономическое, информационное, коалиционное, научно-техническое и военное превосходство практически без ограничений в глобальном масштабе, требуя от России самоограничений в области международной и внутренней политики;
- на каждом из этапов возможной эскалации конфликта подвергаться наименьшему риску и обладать наибольшими возможностями для его эскалации;
- постепенно ограничивать возможности России в коалиционной деятельности, подвергая ее изоляции и мешая приобретать потенциальных союзников;
- угрожать внутривнутриполитической стабильности, посредством системного воздействия на формирование альтернативы суверенной политике внутри страны;
- создавать серьезные социально-экономические трудности в развитии, консервируя внешнюю зависимость от импорта товаров, технологий и услуг.

После 2021–2022 годов этот вариант сценария развития МО, вероятность которого оценивается в 50%, неизбежно перерастет в прямое глобальное военное противоборство с западной ЛЧЦ, которое будет подготовлено постепенно в 2015–2021 гг. эскалацией вооруженного и силового противостояния по схеме постепенного «втягивания» вооруженных сил США и НАТО в войну. Этот процесс будет, как представляется, характерен не только для конфликта на Украине, но и в других регионах, в частности в Сирии.

Вариант №3 («пессимистический»), предполагает радикальную смену парадигмы развития МО и ВПО уже до 2021–2022 гг. и перехода к глобальной войне после 2021 года.

То есть войне не ограниченной ни ТВД, ни способами, ни средствами ее ведения. Огромные риски развития такого варианта компенсируются новыми технологическими возможностями в области ВТО и ПРО, а также расчетами на контролирование эскалации с целью избежать перехода к стратегической ядерной войне. Однако срыв международной обстановки к тотальной ядерной войне в рамках данного сценария, скорее всего, предотвратить не удастся. Вероятность «пессимистического» варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» можно оценить в 10–15%.

Исходя из вышесказанного, следует изначально прогнозировать, что наиболее вероятный сценарий развития МО и его варианты — от «оптимистического» до «пессимистического» — в разной степени, но будут включать в себя не просто силовые, но и обязательные вооруженные компоненты. Пока что такие компоненты вооруженной борьбы (уже существующие в реалии) не получили своих признанных в мире политических и юридических определений, хотя давно уже стали фактом. В частности, планируя развитие своего сценария МО после 2021 года, в США уже сегодня готовят не только силы и средства для поддержки гражданской проамериканской оппозиции, но и вносят соответствующие изменения в штабную структуру своих специальных сил, подготавливая даже на самом низком звене специалистов по связям с общественностью, кураторов оппозиции и ведению информационных и кибервойн.

В реальной политике война может начаться и закончиться даже без всякого массированного вооруженного нападения. И такая война даже может быть выиграна без крупных боестолкновений. Так, например, когда в Крыму и на Донбассе гражданское сопротивление власти переросло из политического противостояния в вооруженную борьбу, граница между которыми вплоть до апреля–мая 2014 года была условной. Но еще более яркий пример — «революция» в феврале 2014 года в Киеве, когда «мирные» протестующие стали убивать вооруженных солдат внутренних войск.

Позже, но «с другим знаком», ситуация повторилась в Йемене, когда изгнанный повстанцами президент Салех (как и В. Янукович на Украине) получил легитимную силовую поддержку извне от США и Саудовской Аравии, но сам не смог оказать вооруженного сопротивления повстанцам. По сути дела военные конфликты на Украине, в Йемене, а до этого в Югославии, Ираке и в Ливии стали прообразами «оптимистического» варианта будущей войны против России.

Характер современной внешнеполитической и военной стратегии развитых государств неизбежно предполагает, что она строится на принципах системности (т.е. использовании всех ресурсов для достижения окончательного результата), сетцентричности (т.е. военно-технического и информационного обеспечения политики) и сети (т.е. комплексности подхода), что изначально предполагает лидерство в подготовке и принятии решений, а также использования всего спектра «умной силы» (smart power).

Иными словами в реализации указанного сценария всеми странами могут быть использованы несколько (в нашем случае только три) вариантов развития одного и того же военно-силового сценария, сутью которого будет борьба за ликвидацию (сохранение) контроля в мире. Средствами противоборства станут не только вооруженные, но и невооруженные средства — широкая система мер противоборства — от «мягкой силы» до прямого вооруженного насилия, — в основе которой находятся сетцентрические средства ведения войны.

Эти варианты с точки зрения значения в них военной силы можно проиллюстрировать в следующей матрице.

«Доля» военной силы в каждом из вариантов наиболее вероятного сценария развития МО после 2021 года

Условное название варианта	Значение тех или иных элементов силовой политики			
	военная сила	политико-дипломатические	экономические	гуманитарные
«оптимистический»	35–40%	25–30%	20–30%	10%
«реалистический»	40–50%	15–20%	20–25%	0–5%
«пессимистический»	75–80%	5–10%	5–10%	0–5%

Как видно из предложенной матрицы, разные пропорции в соотношении различных политических средств отнюдь не означают, что преимущество будет отдано какой-то отдельной группе — «мягкой силы» или «жесткой силы». В зависимости от обстоятельств, варианты стратегии и использование тех или иных форм военной силы будут меняться, а значит изменятся и варианты одного и того же сценария. Причем в короткое время. Так, развитие МО и ВПО на Украине в 2014–2015 годы свидетельствовало о быстрой смене «оптимистических» (соглашения в Минске) и «пессимистических», вариантов одного и того же военно-силового сценария, который применительно к России оставался на удивление последовательно силовым.

Соответственно для России становится очень важным учесть эти приготовления к формирующейся СО. В Вооруженных Силах страны, включая специальные формирования, должны быть не только снайперы, связисты и корректировщики, специалисты по информ- и кибер- войнам, но и социологи, политологи, учителя истории, политические лидеры и общественные фигуры, и т.п. Это потребует соответствующих изменений в структуре и штатном расписании штабов и боевых подразделений, подготовке соответствующих специалистов уже сегодня, сейчас. Причем в достаточно близкой перспективе можно предположить, что их роль может стать решающей, может быть более важной, чем военных. Тем более что первые симптомы заметны уже сегодня.

По сути дела речь должна идти не только о новой структуре ВС и органов управления, но и серьезных изменениях во всей военной организации государства, его институтов. Эти изменения предполагают, что:

- война фактически уже идет и соответственно должно быть управление государством, фактически аналогичное тому, какое существует в условиях военного времени, но без введения чрезвычайного или военного положения во всей стране;
- необходима разработка соответствующих новому характеру войны сил и средств.

И не только в Вооруженных силах России, но и во всей военной организации страны.

Сказанное означает, что при подготовке ответных мероприятий необходимо ориентироваться на неизбежное военное и иное силовое противостояние, которое уже происходит и будет только усиливаться в среднесрочной перспективе. По этой причине необходимы срочные мобилизационные меры общенационального масштаба, включающие изменения в управлении государством и его экономикой.

Глава IV

Основные этапы развития сценария «Глобальное военно-силовое противоборство»

В краткосрочной перспективе 2016–2017 годов завершится окончательное оформление коалиции западной ЛЧЦ и ее внешнеполитической стратегии до 2021 года. Суть этой стратегии будет заключаться во внедрении в 2016–2021 годы широкого спектра силовых инструментов, которые должны будут компенсировать ослабление влияния западной ЛЧЦ в мире. Анализ существующего сценария развития МО в конце 2015 года подтверждает, что западная ЛЧЦ во главе с США сделала ставку на усиление силового противоборства с другими ЛЧЦ, включая в свою политику все чаще вооруженные средства. Поэтому можно говорить о том, что период 2016–2021 годов будет этапом, когда военная сила станет регулярно, использоваться в политических целях в двух формах: во-первых, как инструмент внутривнутриполитической борьбы, а, во-вторых, как реальное средство внешней политики в отношениях между ЛЧЦ в ограниченных масштабах.

В среднесрочной перспективе с 2016 до 2021 года стратегия противоборства будет придерживаться нескольких основных внешнеполитических принципов. Основным принципом будет концентрация усилий западной ЛЧЦ на инициировании внутренних конфликтов в основных странах, представляющих угрозу сохранению контроля Западом над МО в мире. Соответственно такая активная политика потребует новых средств и способов силового и вооруженного воздействия, которые будут выходить далеко за рамки традиционных представлений о межгосударственных и межцивилизационных отношениях.

Прежде всего, это будут средства и способы, предоставляемые внутренней оппозиции конкретных стран для формирования т.н. «облачного противника» официальной власти. Это будет сопровождаться мощной дипломатической, политической и даже силовой поддержкой извне, включая в случае необходимости прямую военную поддержку, как было, например, в Ливии. Как правило, «Облачный противник» будет получать внешнюю поддержку из неизвестных (не доказанных) источников — медийную, финансовую, организационную, моральную во все возрастающих масштабах. А на этапе 2016–2021 годов эта внешняя поддержка может быть даже усилена и вооруженными, и специальными средствами.

Вторым принципом развития данного сценария станет принцип системного политического противоборства. Этот принцип предусматривает интегрированное использование всех возможностей западной ЛЧЦ — коалиционных, экономических, финансовых, военных и других. Системность, в данном случае предполагает, что все частные задачи и средства их решения в 2016–2021 годы подчиняются главной политической цели — сохранению контроля Запада. Конфликты на Украине, в Ираке, Сирии, Афганистане, Йемене и других странах, наглядно, иллюстрируют этот принцип «политической системности», когда собственно военная сила Запада применяется ограниченно, а предпочтение отдается системно-силовым инструментам влияния: политико-дипломатическим, финансово-экономическим, поддержке оппозиции и дозированной военной помощи.

Системное противоборство ради сохранения существующей финансово-экономической и военно-политической системы в 2016–2021 годах означает использование всех силовых ресурсов западной ЛЧЦ до завершения подготовки вооруженной стадии проти-

вооружения в глобальном масштабе. При этом акцент в ближайшие годы будет сделан на то, чтобы не допустить формирования коалиций и даже неформальных союзов, которые будут ставить под сомнение право на такой контроль со стороны западной ЛЧЦ во главе с США, и использование в этих целях стратегии «управляемого хаоса» — искусственной дестабилизации положения в этих странах и отношений между членами возможных коалиций.

Третий принцип предусматривает, что противоборство будет носить сетецентричный характер. А это предполагает создание эффективной системы политического, информационного и военного управления, со стороны западной ЛЧЦ. Данная система будет объединять все другие информационные системы и позволять, в опережающем режиме, управлять всеми процессами «сверху–донижу», контролируя одновременно все уровни эскалации и использование всех коалиционных и национальных ресурсов — политических, экономических, военных¹¹. Этот принцип отчетливо проявился в ходе противостояния Запада с Россией в 2014–2015 годах, когда все управление антироссийскими действиями осуществлялось из Вашингтона.

Можно констатировать, что к лету 2015 года сетецентрическая война против России прошла свои первые (8+) этапы, в результате которых произошел целый ряд негативных социально-экономических и политических изменений в МО. Но в целом принцип сетецентричности полностью не удалось реализовать. В политике отдельные страны Запада позволяли себе действовать иногда не согласованно, а в развитии негативных процессов в России проявилась противоречивость.

Наконец, четвертый принцип реализации сценария «Глобального военно-силового противоборства» в 2016–2021 годы заключается в постоянном усилении давления на Россию с целью радикализации социально-политической обстановки в стране посредством создания внутренних условий и сил, способных изменить политику страны. Речь идет не о внешнем давлении с целью обострения кризисных явлений, как при реализации первого принципа, а о создании внутри правящей элиты и общественности социальных групп, способных изменить политический курс страны. С Владимиром Путиным или без него, но в представлении лидеров западной ЛЧЦ, Россия должна признать сложившийся мировой политический и финансовый порядок во главе с США.

Предполагается, что при реализации сценариев противоборства после 2021 года параллельно с эскалацией военных действий и подготовке к оккупации будет происходить опережающая эскалация действий и спецопераций по демонтажу государства. Пример с Украиной — очень наглядное подтверждение базовой модели такой эскалации, когда захват силовых органов страны и дезорганизация их деятельности привели к параличу власти и не потребовали прямого военного насилия, которое неизбежно было бы связано с серьезными рисками. Сочетание политического использования военной силы (угроз В. Януковичу) с дезорганизацией институтов государства привело к быстрой победе. У западной ЛЧЦ сложился устойчивый алгоритм по демонтажу государства.

Этот алгоритм совершенствуется постоянно и после 2021 года будет представлять собой более сложную и эффективную систему, полностью интегрирующую все средства силовой и вооруженной борьбы — от космической разведки до активности человека, завербованного для работы в социальной сети.

¹¹ Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО, 2015.

По сути дела все эти действия — специальный этап сетецентрической войны сознательно организованный и управляемый извне. К 2016 году уже ясно, что такие мероприятия стали контролироваться руководством ВС в ряде государств. Вероятно, один из первых примеров относится к руководству пакистанским генштабом моджахедами в Афганистане в 80-е годы XX века. Позже эта практика широко применялась. Этот этап развертывания специальных операций может сопровождаться военными действиями, но гораздо безопаснее, если он будет проходить без внешнего вооруженного вмешательства. Во всяком случае видимой и официально признаваемой. Именно так произошло в 2014–2015 годах на Украине.

Кроме того надо понимать, что совершенно новое качество приобретают в такой борьбе негосударственные субъекты международных отношений, чья сила и влияние становятся сопоставимы с государственными. Например, «Правый сектор», или «ИГИЛ», которые становятся новым международным фактором в ведении военных действий. Проблема сегодня заключается в том, что наша военная наука и искусство традиционно воспринимают в качестве субъекта вооруженного противостояния только государства, их военные организации и их вооруженные силы (хотя война в Афганистане и военные операции на Кавказе и внесли свои коррективы), не разрабатывая способов и средств ведения сетецентрических войн с «облачным противником».

Сегодня, однако, «главным противником» может оказаться уже не государство, а некая «общественная организация». Так, сейчас «Исламское государство» как пылесос засасывает в орбиту своего влияния десятки тысяч местных суннитов, а также боевиков из других исламистских организаций и адептов джихадизма из-за рубежа. По данным американских спецслужб, более одной тысячи боевиков пополняют ряды ИГ ежемесячно, а общее число иностранцев, воюющих на стороне организации, составляет сейчас 16 тысяч человек. По информации западных СМИ, к армии новоявленного «халифата» примкнули около 3 тыс. граждан из Европы, США и республик бывшего СССР, в том числе из России, в основном из Чечни¹². Аналогичные организации могут стать той военной силой, которая будет использована против России на завершающем этапе сетецентрической войны.

В различных вариантах сценария «Глобального военно-силового противоборства», которые будут реализовываться после 2021 года, в конечном счете, победит та ЛЧЦ и то государство, которые смогут обеспечить не только сопоставимую государственную мощь и военный потенциал, но наиболее защищенную систему национальных ценностей, эффективную и патриотическую систему государственных и общественных институтов. В конечном счете, России предстоит пересмотр всей концепции военной организации государства, которая пока еще (в отличие от американской) не учитывает два важнейших фактора и две группы факторов, определяющих в XXI веке мощь военной организации любой страны:

- уровень развития и качество общественных, национальных (негосударственных в целом) институтов общества и нации — от религиозных и профессиональных до молодежных и детских организаций. Именно эти организации в настоящее время

¹² Феномен «Исламского государства» и борьба с ним: правовые, социально-экономические и политические аспекты. Аналит. записка / подготовлена А.В. Федорченко, А.В. Крылов. М. 2015. Март. С. 3.

(и еще больше в будущем) будут определять качество национального человеческого капитала и мощь, включая военную, страны;

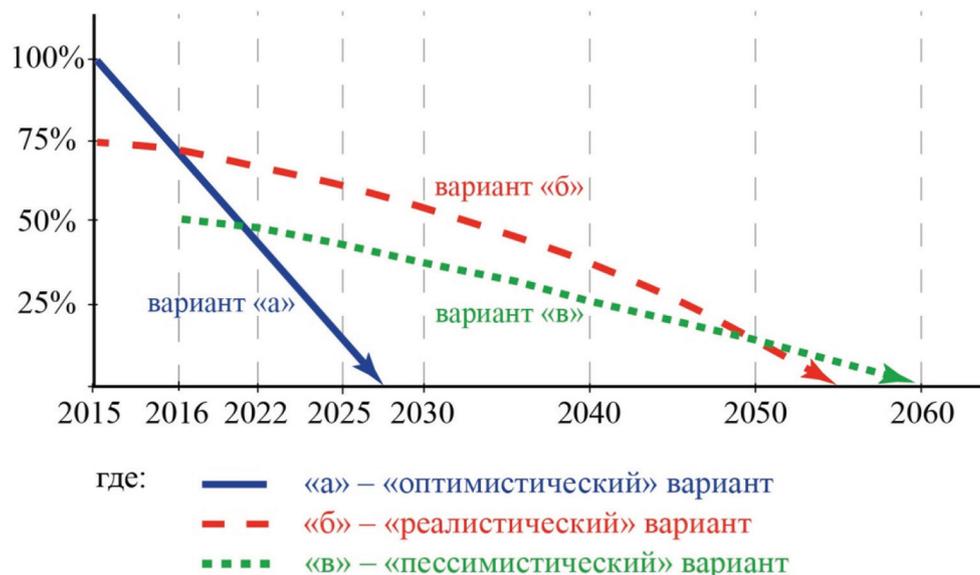
- негосударственные бизнес-структуры за рубежом и внутри самой страны, которые определяют не только экономический, финансовый, оборонный, но и человеческий потенциал того или иного государства.

В настоящее время в России существуют лишь самые общие контуры, зачатки в организации этих групп, которые не способны организовать в полной мере эти потенциалы, а тем более противопоставить их внешнему влиянию. Очень скромные успехи Общественной палаты, Совета по правам человека при Президенте РФ и других органов, содействующих развитию негосударственных институтов, очевидно несопоставимы с новыми задачами, стоящими перед всей военной организацией государства.

Естественно возникает вопрос о том, в каком именно варианте будет реализован сценарий «Глобального военно-силового противоборства» после 2021 года. Пока этот сценарий развивается по «оптимистическому» варианту (с очевидным усилением тенденции на использование военной силы и скатыванию к «реалистическому» варианту еще до 2021 года). Но вопрос о том, какой вариант будет преобладать после 2021 года, остается открытым.

Приводимая ниже графическая модель вероятностного прогноза, пытается дать ответ на этот вопрос.

Вероятность реализации одного из вариантов сценария гибридного «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ»

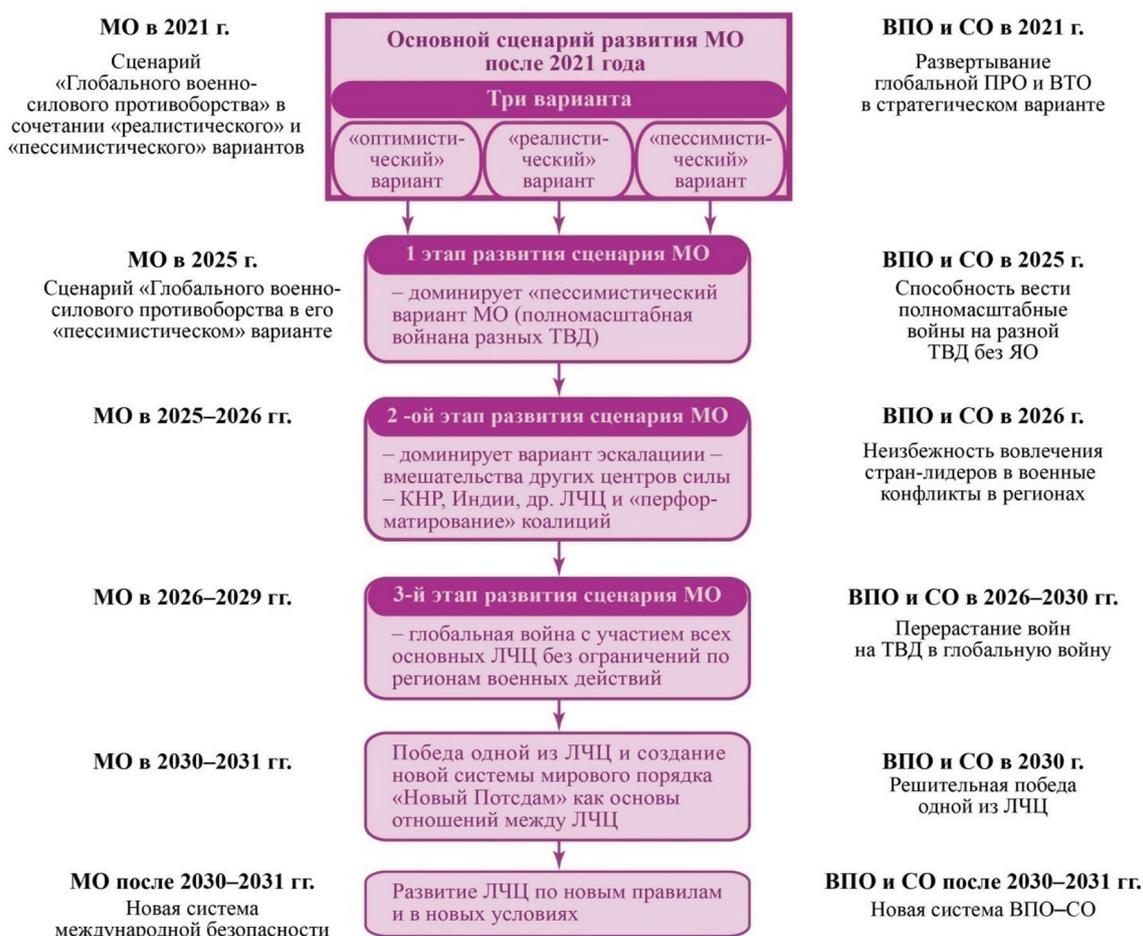

Как видно из рисунка, наибольшую вероятность на долгосрочную перспективу имеют «реалистичный» и «пессимистичный» варианты, что для нас имеет существенное значение: при оценке вероятности любого сценария или его варианта приходится исходить из «худшего» варианта не только потому, что в вопросах безопасности нельзя допустить известной недооценки угрозы, но и потому, что вероятность «худших» вариантов существенно выше, чем «оптимистических» и даже «реалистических».

В конечном счете, можно сделать вывод о том, что в долгосрочной перспективе после 2021 года наибольшую вероятность из всех возможных сценариев развития МО имеет сценарий «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ», который может быть реализован в двух наиболее опасных своих вариантах:

- варианте («В») — «пессимистическом» — глобального гибридного силового (вооруженного и невооруженного) противоборства, когда военная сила используется в полном объеме на различных ТВД, вовлекая в такую войну всех участников международных отношений и повышая уровень эскалации вплоть до применения ОМУ;
- варианте («Б») — «реалистическом» — глобального гибридного силового (вооруженного и невооруженного) противоборства, когда военная сила используется в ограниченном масштабе на ограниченных ТВД с привлечением части ведущих стран мира;
- варианте («А») — «оптимистическом», реализуемый в настоящее время, видимо будет окончательно исчерпан к 2021 году, хотя изменение ряда условий (внутриполитический конфликт США, развал военно-политической коалиции Запада и др.) может привести к тому, что он останется актуальным и после 2021 года.

Развитие вероятных вариантов Сценария МО после 2021 года и на перспективу до 2045 года

Эти три варианта развития одного и того же сценария МО будут нести на себе очень серьезные конкретные черты и особенности ВПО и СО каждого конкретного периода времени после 2021 года. Это будет связано, прежде всего, с ускорением военно-технической революции, чьи последствия скажутся радикально как в области ВиВТ, так и средств управления и в военном искусстве. Так, массовое внедрение ВТО и сетецентрических способов управления ВС, например, уже сказалось на развитии МО. Таким образом, переход от одного периода к другому в развитии СО будет решающим образом влиять на развитие различных вариантов МО и их реалистичность.

Если в прежней истории (вплоть до появления ОМУ и средств его доставки) СО в мире имела подчиненное значение МО и вытекала из нее, являлась «чистым» продуктом, следствием ее развития, то по мере развития ВиВТ, средств управления ими и появления возможностей для ведения гибридных и сетецентрических войн влияние ВПО–СО на формирование сценария МО постоянно усиливалось. В самом общем виде такая «совмещенная» картинка СО и МО может выглядеть следующим образом (см. рисунок на стр. 30), что может объяснять растущую взаимозависимость МО, с одной стороны, и ВПО–СО, — с другой.

На третьем этапе (2026–2029 гг.) можно ожидать превращения глобального военного конфликта с участием всех ЛЧЦ в глобальную войну, которая должна завершиться на четвертом этапе победой одной из ЛЧЦ и возглавляемой ею коалицией, которая будет оформлена с политико-правовой точки зрения в новую систему миропорядка.

Рассматривая подобный гипотетический сценарий развития МО и ВПО после 2021 года, следует исходить из того, что это — наиболее вероятный сценарий, реализуемый в нескольких вариантах, из всего множества потенциально возможных сценариев. Некоторые из них описывались как в этой работе, так и в предыдущих работах ЦВПИ, в частности, в специальной книге «Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года»¹³. Таких теоретически возможных сценариев развития МО может быть несколько. И, естественно, их переход из статуса «возможного сценария» в статус «вероятного сценария» должен внимательно отслеживаться. Более того, их анализ должен всегда сопровождать анализ вероятных сценариев как неожиданная альтернатива.

¹³ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. — М: МГИМО, 2015. — С. 693.

**МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ
ПО РАЗРАБОТКЕ ДОЛГОСРОЧНОЙ
СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Глава I

Структура стратегии национальной безопасности (СНБ)

Резкое осложнение международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО) в мире во втором десятилетии XXI века представляется долгосрочной тенденцией, имеющей все признаки достаточно быстрой эволюции в направлении перерастания конфликта в глобальную войну. Есть все основания полагать, что развитие такого сценария МО будет происходить в долгосрочной перспективе до 2050 года в соответствии со стратегией западной цивилизации, возглавляемой США, в которой силовые компоненты все чаще и во все более многообразных формах будут дополняться военными¹⁴.

Исходя из этой долгосрочной посылки предполагается, что Российская Федерация и ее потенциальные партнеры и союзники должны иметь свою долгосрочную стратегию обеспечения национальной безопасности и стратегию национального развития, ориентированные, как минимум, до 2050 года, в основе которых должны лежать¹⁵:

- долгосрочные цели и задачи обеспечения безопасности, исходя из оценки и перспектив развития МО и ВПО до 2050 года;
- поиск и разработка наиболее эффективных средств и способов обеспечения безопасности до 2050 года;
- долгосрочные цели и задачи национального развития во всех областях человеческой деятельности;
- разработка наиболее эффективных средств и способов долгосрочного национального развития;
- максимально эффективное использование национальных ресурсов, а также возможностей Российской Федерации и ее союзников и партнеров в интересах укрепления национальной безопасности и развития.

Существующий вариант Стратегии национальной безопасности, утвержденной указом Президента Российской Федерации В. В. Путина 31 декабря 2015 года за №683 не отражает в полной мере этой потребности в силу следующих причин:

- в нем не предлагается долгосрочного прогноза развития сценария МО и ВПО в мире, т.е. оценки тех вероятных условий, при которых будет обеспечиваться безопасность и развитие России до 2050 года;
- в нем в полной мере не сформулированы средства и меры противодействия развитию военно-силового сценария, навязываемого западной ЛЧЦ.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть один из возможных вариантов долгосрочной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, который может стать:

- основой для широкой дискуссии в стране с целью мобилизации общественного мнения и национальных ресурсов в интересах развития и укрепления безопасности;

¹⁴ См. подробнее: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО, 2016. — 743 с.

¹⁵ См. подробнее: Подберезкин А. И., Харкевич М. В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО, 2015. — 581 с.

- материалом для соответствующего законодательно-нормативного оформления долгосрочной национальной стратегии до 2050 года;
- инструментом повышения эффективности политического, идеологического и экономического управления.

Следует отметить, что совершенствование такого документа как «Стратегия национальной безопасности России» может и должно идти постоянно учитывая появляющиеся нюансы и новые реалии. При этом в процессе выработки новой СНБ придется балансировать между разными приоритетами:

- приоритетами системы долгосрочных целей развития и национальной безопасности;
- и балансом ресурсов, имеющихся для решения стратегических и тактических задач.

При этом следует учесть, что в последние годы в России и в мире произошли существенные изменения, вызванные:

- обострением международной обстановки как следствия политики западной цивилизации, направленной на развитие военно-силового сценария, который мог бы обеспечить сохранение финансово-экономической и военно-политической системы, созданной США в XX веке;
- усилением глобальных противоречий и соперничества, вызванных опережающими темпами развития новых центров силы, отдельных стран и формированием коалиций на базе отдельных ЛЧЦ;
- социально-экономическими трудностями в России вызванными сохранением отсталой структуры экономики, стагнацией в экономике и темпах роста ВВП, низкой эффективностью управления и социальными и нравственными качествами правящей элиты.

Эти три группы факторов потребовали пересмотра существовавшей Стратегии национальной безопасности и «переходу к новой государственной политике в области национальной безопасности» еще в 2009 году¹⁶. Однако достаточно быстро стало ясно, что указанные выше три группы факторов продолжают динамично и быстро развиваться и влиять на формирование современной МО и на положение России, что потребовало внесения дополнительных коррективов в уже принятую в декабре 2015 года СНБ¹⁷.

Представляется, однако, что и этих внесенных коррективов уже недостаточно в 2016 году. В силу целого ряда причин требуется пересмотр ряда положений Стратегии, а также частных деталей, прежде всего, с точки зрения превращения ее в действующий документ, повышающий эффективность не только государственного, но и национального и коалиционно-цивилизационного управления в условиях стремительно нарастающих внешних угроз и фактического перехода отношений между ЛЧЦ из международного конфликта в состояние войны.

Построение Стратегии национальной безопасности должно начинаться с определения смысла этого документа, разъяснения тех целей и задач, для которых он принимается. Это подтверждается всем предшествующим опытом подобных документов. Так, например,

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» №537 от 12 мая 2009 г. Раздел I. Ст. 1.

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

в последней СНБ США, принятой в 2015 году, говорится о том, что она «направляет Соединенные штаты на обеспечение национальных интересов путем сильного и устойчивого лидерства» и «устанавливает принципы и приоритеты для управления американской мощью и влиянием в мире»¹⁸.

Есть такое разъяснение и в действующей российской СНБ. Оно формулируется следующим образом: «Настоящая Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу»¹⁹. И хотя к этому положению имеются претензии, касающиеся понимания национальных интересов, оно в принципе адекватно отражает предназначение СНБ. Поэтому упоминание о национальных интересах в данном контексте следует скорректировать, а в остальном оно вполне применимо в новой СНБ.

Поскольку СНБ является базовым документом стратегического планирования, то она должна учитывать, что стратегический характер планирования в масштабах государства проявляется в следующих чертах:

- ориентация на решение ключевых, определяющих целей системы, т.е. тех, от достижения которых зависит ее выживание и социально-экономический прогресс;
- устремленность в перспективу (как правило, на период более одного года);
- увязка намеченных целей с объемом и структурой ресурсов, причем как наличных, так и тех, которые будут созданы в планируемой перспективе;
- учет воздействия на управляемый объект внешней среды и разработка мероприятий, ослабляющих либо использующих ее влияние при решении стоящих перед системой задач;
- адаптивный характер, то есть способность предвидеть изменения во внешней и внутренней среде и приспособить к ним процесс функционирования управляемого объекта.

Основными процедурами стратегического планирования являются: стратегическое прогнозирование (стратегические прогнозы); программирование (проекты стратегических программ); проектирование (проекты стратегических планов различных уровней). Между тем, в действующей СНБ РФ нет, как минимум, двух основных подразделов, посвященных:

- во-первых, стратегическому прогнозу развития международной обстановки, описанию наиболее вероятного сценария ее развития на долгосрочную перспективу и роли России в этом сценарии, хотя этого требует логика данного документа.
- во-вторых, перечисляя и описывая действия США, угрозы — внешние и военные — международной безопасности в разделе II не дается системного анализа и прогноза развития стратегии США на долгосрочную перспективу.

Таким образом, «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» не является реакцией ни на эволюцию конкретного сценария развития МО, ни стратегией

¹⁸ The National Security Strategy of the United States of America. February, 2015. — p. 1.

¹⁹ Указ Президента Российской Федерации №683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

противодействия политике США и их союзников. Представляется, что эти важные детали необходимо точно обозначить в новой российской СНБ, которая должна быть вполне конкретным ответом как на развитие того или иного сценария МО, так и на реализацию оппонентами и «партнерами» своих стратегий в отношении России. В частности, первые два раздела СНБ должны быть посвящены:

- во-первых, оценке состояния международной обстановки и положению России в системе международных отношений на текущий момент;
- во-вторых, стратегическому прогнозу развития международных отношений и определению места и роли России в основном сценарии развития международной обстановки.

Справедливости ради надо отметить, что в действующей СНБ есть раздел, посвященный роли России в современном мире. Однако этот раздел носит эклектический характер, не дает целостной картины состояния МО на современном этапе. В действующей СНБ есть лишь несколько частных оценок современного этапа развития МО, например, констатация того, что «в настоящее время создана устойчивая основа для дальнейшего наращивания экономического, политического, военного и духовного потенциалов Российской Федерации, повышения ее роли в формирующемся полицентрическом мире»²⁰.

«Формирующийся полицентрический мир» — очень общая оценка, а тем более, слишком абстрактный прогноз, особенно, в сочетании с констатацией об «устойчивой основе» развития России. Собственно этими оценками и ограничивается Стратегия в описании самого верхнего, цивилизационного уровня, по сути, переходя сразу же к прикладному политическому анализу МО, где ключевой оценкой является фраза о том, что «... формирование новой полицентричной модели мироустройства, сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности»²¹. Эта оценка слишком мягко характеризует реалии современной МО (сознательно или нет — другой вопрос), а, во-вторых, очевидно недостаточно. Дальнейшие сентенции относительно роли военной силы, НАТО и прочих опасностей носят, безусловно, более трезвый характер, чем предыдущие оценки, но и они не являются вполне мобилизующими и нацеливающими нацию на действия по немедленному реагированию.

При этом основные характеристики (показатели) состояния национальной безопасности, выносятся в действующей СНБ в последний раздел (Раздел VI) документов, что не является оправданным. Получается странная ситуация, когда в нескольких статьях Раздела II («Россия в современном мире») показаны успехи России (Ст. 8. «Россия продемонстрировала способность к обеспечению суверенитета» и т.д.; ст. 9. «Экономика России проявила способность к сохранению и укреплению своего потенциала...»; ст. 10. «Позитивные тенденции наметились...» и т.д.), а в самом конце «Стратегии» описаны основные показатели состояния (которые, кстати, в основной массе в 2015 году были хуже, чем в 2014 году)²².

Поэтому целесообразно перенести положения раздела VI в раздел II, дав анализ изменения этих показателей за последние 5 лет в качестве обоснования реального положения

²⁰ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

²¹ Там же.

²² Там же.

страны в мире, имея ввиду разницу между понятиями «характеристика» (отличительные черты чего-либо) от понятия «показатель» (обобщенная характеристика процесса/результата), т.е. отличительные особенности и характерные особенности состояния национальной безопасности. Из текста и смысла «Стратегии» видно, что понятие «показатели» ближе, чем «характеристики».

В то же время в действующей СНБ наметилась позитивная тенденция перехода к показателям национального человеческого капитала (НЧК), что гораздо больше соответствует современным реалиям. Вместе с тем ни в СНБ 2009 года, ни в нынешней редакции СНБ не видно агрегированного показателя, который становился бы основной характеристикой развития нации с точки зрения безопасности и социально-экономического развития. Такой показатель может быть только НЧК или индекс развития человеческого капитала. В конечном счете, именно качество отдельной личности и в целом нации, т.е. НЧК, обеспечивает безопасность, процветание и лидерство в мире. Между тем в существующей редакции этот показатель занимает 3 и 4 место в перечне приоритетов.

Можно даже пойти по пути выделения (как и в редакции 2009 года) группы «Основных приоритетов», к которым относятся:

- повышение качества и количества НЧК: образования, уровня жизни, здоровья и т.д.;
- степени реализации НЧК и качества институтов нации;
- уровня культуры и защиты национальной идентичности.

В этой связи предлагается утвердить новый перечень показателей безопасности, в основу которого положен принцип максимальной реализации всех физических, интеллектуальных и творческих возможностей человека и гражданина, принадлежащего к российской нации и государству, а именно:

- ожидаемая продолжительность жизни;
- продолжительность образования;
- количество и степень развития институтов реализации ЧК;
- удовлетворенность граждан состоянием безопасности и темпами развития;
- доход граждан на душу населения;
- обеспеченность ресурсами здравоохранения, науки и культуры в % от ВВП;
- темпы роста населения;
- наукоемкость экономики;
- конкурентоспособность экономики;
- и др.

Стратегический прогноз обязательно нужен в одном из первых разделов документа «Стратегии». И максимально точный. Исторически доказано, что угрозы не возникают неожиданно. В большинстве случаев им предшествуют некоторые события и процессы, которые являются их предвестниками. В будущем варианте «Стратегии» необходимо попытаться коротко, но максимально точно описать перспективы развития различных сценариев развития человечества, ЛЧЦ и МО, а также России, как минимум, на ближайшие 5 лет, что в принципе возможно²³.

²³ См., например: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО, 2016. — 743 с.

Следовательно, структуру новой СНБ следовало бы несколько изменить, поставив на первое место по порядку и анализ и стратегический прогноз развития человечества и международной обстановки, а также целеполагание и стратегический прогноз состояния и развития нации — как процессы и действия, во многом вытекающие из этого прогноза²⁴. Иными словами необходим не только анализ и оценка существующей МО, но и стратегический прогноз ее развития, который будет описывать внешние условия развития нации и государства. При этом принципиально важно помнить, что оба эти стратегических прогноза — нации и МО — должны взаимодействовать друг с другом и учитывать взаимное влияние.

Прогноз внешних условий, вызовов и угроз — создает общую канву, условия для реализации национального стратегического прогноза. Это внешние условия существования человечества и отдельных локальных человеческих цивилизаций, внешние вызовы и угрозы, которые ожидаются в будущем. Совершенно очевидно, что чем точнее будет стратегический прогноз, развития не только нации и государства, но и МО, и ресурсов, тем адекватнее будут и действия по планированию в Стратегии национальной безопасности России.

Причем этот прогноз должен быть частью стратегического планирования не только СНБ, но и всех вытекающих из этой стратегии документов в области безопасности и социально-экономического развития. На всех уровнях планирования (региональном, местном, отраслевом) должны разрабатываться стратегические прогнозы, которые сопрягаются со стратегическим прогнозом, представленным в СНБ. Эти долгосрочные и обоснованные прогнозы в сфере безопасности и развития должны иметь не только теоретическую, но и практическую цель. Это станет возможным, если мониторинг внешней и внутренней среды национальной безопасности РФ будет осуществляться с использованием единых критериев и показателей, в т.ч. безопасности, выход за пределы которых означает возникновение непосредственной угрозы безопасности государства.

Так, долгосрочная «Стратегия социально-экономического развития России 2020» вообще никак не учитывается, за исключением ритуальных ссылок в нормативных документах. Она изначально, еще с марта 2008 года, оказалось мертворожденной, как и ее последующие реинкарнации. Причин несколько. Главная — эта стратегия должна была быть следствием Стратегии национальной безопасности, вытекать из нее логически, а не оформляться в качестве самостоятельного документа претендующего на стратегию национального развития. Во-вторых, эта стратегия социально-экономического развития разрабатывалась в недрах одного министерства, коллективом и школой одной направленности. Она так и не стала продуктом общенациональной дискуссии, а расширение состава ее исполнителей до 1000 сторонников либеральной идеологии и политики плохо отразилось на ее эффективности. Во многом потому, что к ее разработке не привлекались те, кто должен будет ее выполнять.

Таким образом, на основе приведенного анализа, можно предложить следующую структуру СНБ РФ:

1. Характеристика современной международной обстановки и положение России в системе международных отношений

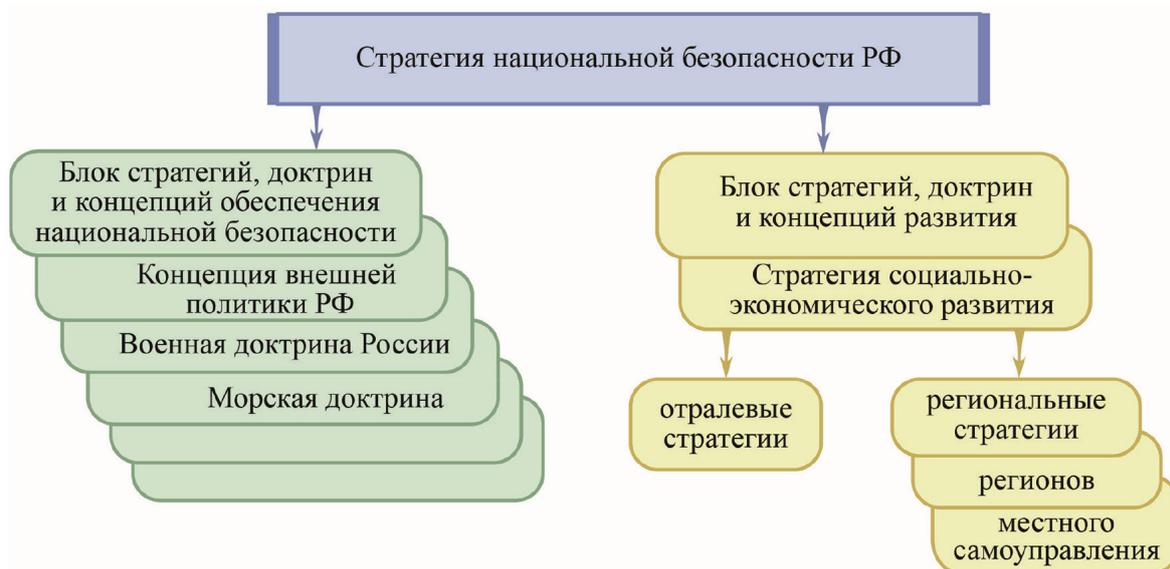
²⁴ Стратегический прогноз Российской Федерации — зд. документ стратегического планирования, содержащий систему научно-обоснованных представлений о стратегических рисках социально-экономического развития и об угрозах национальной безопасности Российской Федерации / ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

2. Стратегический прогноз развития международных отношений и роль России в наиболее вероятном сценарии развития МО
3. Текущие и перспективные угрозы национальной безопасности РФ
4. Пути и способы обеспечения национальной безопасности РФ в условиях наиболее вероятного сценария развития МО

Другая структурная особенность действующей российской СНБ состоит в том, что она покрывает две большие области жизнедеятельности нации — «укрепления национальной безопасности Российской Федерации» и «обеспечения устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу». То есть она претендует на фундамент для целого комплекса процедур в области стратегического планирования и социально-экономического развития, условно делясь на два блока — «безопасность» и «развитие». Естественно, встает вопрос о целесообразности такой структуры данного документа.

Ведь если исходить из упомянутого выше понимания национальной безопасности, то «развитие» страны является уже производной, своего рода «надстройкой» над безопасностью, а сама безопасность является предпосылкой, основой для обеспечения развития. И хотя между этими областями имеется самая тесная взаимосвязь, объединять их в одном документе, возможно, не целесообразно. Иначе можно прийти, в конце концов, к составлению документа, покрывающего все области жизнедеятельности государства — к своеобразному «Трактату обо всем».

Вместо этого, правильным решением было бы составление на базе доктринальных установок СНБ отдельных стратегий и концепций, покрывающих различные аспекты государственной политики. Это можно показать на следующей схеме.

Как правило, все эти концепции и стратегии должны быть следствием СНБ и вытекать непосредственно из нее. Поэтому, конечно, в самой СНБ, обязательно должны быть отмечены все области жизнедеятельности государства, в которых имеются текущие или потенциальные угрозы национальной безопасности и в которых, естественно, следует разработать соответствующие стратегии по преодолению этих угроз. К сожалению, сейчас на практике далеко не всегда так происходит. Трудно связать, например, нынешнюю

стратегию социально-экономического развития, как со стратегией национальной безопасности, так и концепцией внешней политики.

Еще один важный момент, который обязательно следует отразить в новой СНБ РФ, касается военной организации государства. Сегодня военно-политическая организация России управляет только органами федеральной, региональной и местной власти, фактически игнорируя две другие крупные организационные структуры нации — общественные институты и бизнес. Между тем, в США власть по сути дела создала такую военную организацию, которая контролирует не только государственные, но и общественные, и частные институты²⁵, что, естественно, резко усиливает мощь США и возглавляемого ими союза. Поэтому необходимо, чтобы в новой редакции «Стратегии» было четко записано, что эта Стратегия является обязательной для всех органов власти (федеральных, региональных и местных), а также институтов гражданского общества и частных, а также корпоративных организаций.

Об этом отчасти говорится в ст. 3 действующей СНБ, где указывается, что «настоящая Стратегия призвана консолидировать усилия федеральных органов государственной власти, других государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации... органов местного самоуправления, институтов гражданского общества...»²⁶. Однако, это положение не полно, так как не затрагивает частный сектор и отдельных граждан. К тому же, есть определенные сомнения, что данная формулировка носит обязывающий характер. Она выглядит, скорее, рекомендательно.

Глава II

Политико-правовой статус стратегии национальной безопасности

Новая редакция СНБ РФ, принятая в декабре 2015 года, является безусловным шагом вперед по отношению к предыдущим российским документам в этой области. Тем не менее, ее анализ показывает, что она еще далека от совершенства как в плане научной разработанности, так и практической пользы с точки зрения формулирования эффективной государственной политики. Действующая СНБ является в основном формализованным документом, результатом, своего рода, бюрократического компромисса, обобщающего представления различных государственных ведомств о национальной безопасности страны.

Это в целом соответствует советскому и российскому опыту выработки и принятия политических решений, для которого характерны следующие особенности:

- оценка, анализ и прогноз МО и ситуации внутри страны носит, как правило, крайне субъективный характер;

²⁵ См., например: National Security Strategy. — Wash.: The White House. February. 2015, где, в частности, говорится, что «американское мировое лидерство направлено на цели добра, но также основано на национальных интересах...». — р. 2.

²⁶ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

- принимаемые решения, как правило, ориентированы на личностное восприятие реалий;
- многих негативных последствий таких решений можно было бы избежать, вернув научный и объективный подход, логику и экспертизу.

Между тем, СНБ, как документ, по своей природе должен быть несколько другим. Это должен быть документ вдохновляющий всю нацию и направляющий ее энергию в определенное русло. Как таковой, этот документ должен носить концептуальный характер, предлагать определенную философско-идеологическую модель настоящего и будущего, быть доступным в восприятии широкой общественности. Только так он может превратиться из чисто бюрократического документа в документ всей нации.

В этом плане российская СНБ, безусловно, проигрывает аналогичному американскому документу. Американская СНБ имеет своей отправной точкой философско-идеологическую концепцию, в рамках которой показывается лидирующая роль США в системе международных отношений, а также излагаются цели, задачи и миссия США в современном мире. Практически все Вступление, первые пять страниц, посвящены лидерству США в мире, причем, не всегда обосновано. Американцы явно не скупятся на самовосхваление. В тексте постоянно присутствуют такие фразы как «экономика США остается наиболее динамичной и устойчивой на Земле»; «американское лидерство является глобальной силой добра»; «наше лидерство помогло миру преодолеть глобальный экономический кризис и найти ответы на многообразие новых вызовов»; «сила наших институтов и наше уважение к верховенству закона дает пример демократического управления»²⁷. Это конечно не означает, что российская СНБ тоже должна прибегать к таким приемам саморекламы. Тем не менее, не следует опасаться озвучивания амбициозных идей и планов.

Таким образом, говорить о том, что в России сложилась четкая концептуально-правовая основа для реализации Стратегии национальной безопасности к настоящему времени еще преждевременно. Помимо слабой теоретической базы, нет ни четкой взаимосвязи между правовыми и политическими положениями федеральных законов и «стратегий», ни, тем более, эффективного механизма реализации СНБ. Для придания идеям, изложенным в этом документе, политико-правового характера на его базе должны быть разработаны соответствующие законодательные акты, в том числе конституционные или внесены поправки в действующее законодательство и даже в Конституцию страны.

Сохраняются и противоречия между представлениями об основных положениях, изложенных в СНБ и других документах, например, Военной доктрине, по вопросу об основных военных угрозах. Так, в СНБ рассматривается «угроза национальной безопасности как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам»²⁸, а в Военной доктрине России под угрозой понимается определенное «состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующееся реальной возможностью возникновения военного конфликта...»²⁹. Подобное разночтение, на которое обращают внимание российские эксперты, имеет большое значение, особенно в связи с тем, что в США, например, понятие

²⁷ The National Security Strategy of the United States of America. February, 2015. — p. 2–3.

²⁸ Указ Президента Российской Федерации №683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

²⁹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 26 декабря 2014 года.

«военная угроза» вообще отсутствует, а военную силу предполагается использовать в ответ на любые угрозы национальной безопасности и решение широкого спектра других национальных задач³⁰.

Поэтому не только Стратегия национальной безопасности России, но и вытекающие из этого документа подчиненные нормативные акты, имеющие принципиальное значение (прежде всего Военная доктрина России и Концепция внешней политики, а также Стратегия социально-экономического развития), должны быть четко согласованы между собой, являться логическим продолжением и развитием положений друг друга, а также конкретизироваться в документах стратегического планирования. Сегодня необходимо выстраивать новую концепцию и методологию стратегического планирования в стране. Новую, даже в отличие от той, которая была год назад. Все это означает фактическую смену парадигм в государственном планировании³¹, история которого в современной России (вплоть до принятия в июне 2014 года ФЗ №172) насчитывала более 15 лет.

Более того, чтобы сделать новую СНБ действительно документом национальной мобилизации желательно организовать его самое широкое обсуждение в обществе, причем, не только после фактического принятия, но еще на стадии подготовки и прохождения соответствующих государственных процедур. Такое обсуждение могло бы идти с привлечением широкого круга научных и общественных организаций, СМИ и отдельных граждан, в результате которого проект уже получит массовую поддержку и широкую экспертизу. Наконец, на стадии обсуждения проекта происходит широкое знакомство органов власти всех уровней, государственных и общественных институтов, отдельных граждан с содержанием, целями и средствами будущей политики в области национальной безопасности.

Думается, что СНБ не должна быть большой по объему, там должно быть не более 21–23 статей, объединенных в несколько глав, которые не должны повторять структуру прежних двух «Стратегий» в силу более концептуального подхода. Период, который охватывает настоящая «Стратегия», должен простирается на долгосрочную перспективу, как минимум, 25–30 лет, с тем, чтобы соответствующие документы стратегического планирования (стратегические прогнозы, программы, оценки) охватывали соответствующие горизонты, а не ограничивались констатацией только современной действительности.

Вместе с тем, «Стратегия» должна носить политико-публицистический характер по форме изложения, апеллируя не только к общественному мнению нации, но и зарубежным кругам. С одной стороны, документ о Стратегии национальной безопасности России должен представлять собой единый, политико-идеологический документ, а, с другой стороны, иметь прикладную практическую Стратегию национальной безопасности и развития, иметь ясную, понятную для всех логику и последовательность изложения. В основе этой логики и последовательности должна лежать следующая модель:

- первоосновой Стратегии национальной безопасности является национальная система ценностей и интересов, а не внешние условия (вызовы, опасности и угрозы),

³⁰ См., например: *Цырендоржиев С. Р., Кабаченко А. М.* Военные опасности и угрозы, тенденции их обострения до 2020–2040 годов и далее / Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО, 2016. — С. 597–615.

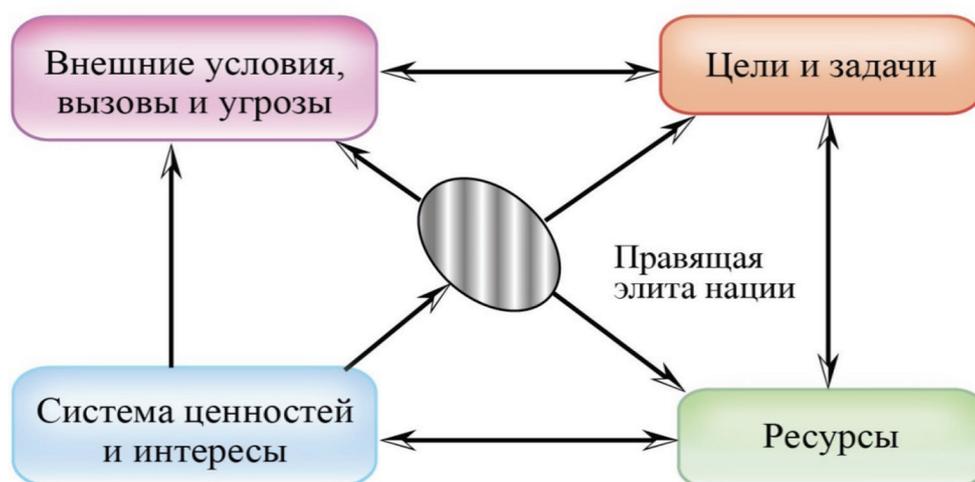
³¹ *Смирнова О. О.* Парадигмы и параллели / Научно-практический журнал МИР, 2014. №3 (19). — С. 109.

как в настоящее время: мы должны ясно знать цели национального развития и средства для достижения этих целей, а внешние условия, естественно, могут вносить в эти цели и средства свои коррективы. Другими словами предлагается сделать исходной точкой отсчета национальные интересы, а не внешние угрозы;

- эта система ценностей и интересов трансформируется в политические цели и задачи, на которые решающее влияние оказывают три группы факторов:
 - внешние условия, вызовы и угрозы;
 - субъективное восприятие правящей элитой обществом и нацией этих интересов и ценностей;
 - национальные ресурсы.

В самом общем виде эта модель выглядит следующим образом:³²

Модель создания стратегии национальной безопасности

Таким образом, порядок формирования Стратегии национальной безопасности будет следующим:

1-й этап — определение национальных интересов и систематизация национальных ценностей;

2-й этап — оформление национальных интересов в национальные цели (приоритеты).

3-й этап — определение внешних условий (МО и ВПО);

4-й этап — определение необходимых ресурсов для целей Стратегии.

Каждый из этапов должен быть четко обозначен и сформулирован в формализованном виде. Представляется, что новую Стратегию необходимо принимать в форме Федерального конституционного закона. Это сразу же поставит СНБ на уровень общенационального документа высшего порядка по отношению ко всем другим документам, прежде всего, в отношении ФЗ №390 «О безопасности» и ФЗ №172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации»³³, с которыми Стратегия изначально вступает в противоречия по

³² Подробнее см.: Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО, 2014.

³³ Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности» №390-ФЗ от 28 декабря 2010 г. и Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» №172-ФЗ от 28 июня 2014 г.

ряду принципиальных положений, в частности, о роли Стратегии и Совета Безопасности в анализе, прогнозе и планировании социально-экономического развития России. Следует отметить в этой связи, что в США роль Совета национальной безопасности определяется Законом о национальной безопасности, принятом еще в 1947 году³⁴.

Принятие СНБ в виде Федерального конституционного закона сразу же изменит ситуацию не только в иерархии правовых документов, но и в политической реальности: все остальные стратегии, концепции и планы должны будут в обязательном порядке исходить из основных положений «Стратегии». До настоящего времени принято около 100 федеральных конституционных законов, из которых законы о власти (правительстве, судах, уполномоченном о правах человека и др.) относятся именно к категории федеральных конституционных законов. Подобная форма принятия «Стратегии» делает ее обязательным документом для исполнения всеми органами власти, институтами и гражданами. При этом СНБ станет основой для других нормативных документов федерального, регионального и даже местного характера. Эти документы (в особенности отраслевые и региональные) должны быть четко привязаны и исходить из требований Стратегии.

Наконец, форма Федерального конституционного закона означает, что Стратегия является результатом совместной деятельности не только исполнительной власти (где центр тяжести прежде перемещался от Президента к Председателю правительства и обратно), но и законодательной власти, а также неизбежным результатом публичной дискуссии, означающей привлечение широких кругов правящей элиты и общественности. Этот же подход означает, что проект Федерального конституционного закона «О Стратегии национальной безопасности России», вносимый Президентом РФ, может и должен обсуждаться в других институтах власти, правящей элиты и гражданского общества — от Государственного совета и различных комиссий и советов до Общественной палаты, институтов РАН, партий, организаций и т.д., — что сделает Стратегию не только по-настоящему общенациональным документом, который является обязательным к выполнению, но и общеизвестным, доступным и политически очень широким инструментом, значительно повышающим эффективность управления обществом и государством.

Важнейшей задачей новой СНБ должно стать совершенствование всего механизма государственного, общественного и муниципального управления Российской Федерации, в интересах безопасности и устойчивого развития России. По сути дела Стратегия должна являться главным политическим и правовым механизмом национального управления, а не рядовой стратегией (отраслевой, региональной и т.д.) или концепцией, находящейся в одном ряду с другими законами, указами и нормативными документами, о которых помнят только их разработчики. Если сравнить Стратегию с другими документами и стратегиями имперского, советского или современного периода, то мы можем найти единственную аналогию — основные направления экономического и социального развития СССР на пять лет, т.е. пятилетки, которые изначально оформлялись в виде партийных директив (и нередко приводили к широкой политической дискуссии), а затем — в форме закона, принимавшегося Верховным Советом СССР и РСФСР.

³⁴ The National Security Act of 1947 – July 26, 1947. Public Law 253, 80th Congress; Chapter 343, 1st Session; S. 758.

Сопоставление политико-правовых характеристик СНБ 2009 и 2015 годов и альтернативного варианта СНБ

Стратегия национальной безопасности России (2009 г.)	Стратегия национальной безопасности России (2015 г.)	Стратегия национальной безопасности России (до 2040 г.)
Юридическая форма: Указ ПР РФ №537 от 12.05.2009 г.	Юридическая форма: Указ ПР РФ №683 от 31.12.2015 г.	Юридическая форма: Федеральный закон, принимаемый на 5 лет
срок: —	срок: 6 лет	срок: 5 лет
Ответственный орган: «Правительство РФ формирует...» (ст. 101)	Ответственный орган: «... под руководством Президента РФ и при координации Совета Безопасности» (ст. 108)	Ответственный орган: Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание РФ
Обязательность (рекомендательность): ... обеспечивается согласованными действиями всех элементов обеспечения национальной безопасности... (ст. 97) ... за счет консолидации усилий и ресурсов... (ст. 98)	Обязательность: «... обязательны для выполнения всеми органами гос. власти и местного самоуправления...» (ст. 109)	Обязательность: Обязательны для исполнения всеми органами гос. власти, местного самоуправления, а также институтами гражданского общества, бизнес-структурами и отдельными гражданами
Предварительное обсуждение: не предусмотрено	Предварительное обсуждение: не предусмотрено	Предварительное обсуждение: Проект конституционного федерального закона проходит обсуждение: — среди общественных институтов; — органов государственной власти; — отдельных граждан
Информационно-аналитическая поддержка: осуществляется «при координирующей роли СБ» за счет управления информационных ресурсов заинтересованных органов и государственных научных учреждений с использованием системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту (ст. 107) ... при координирующей роли Правительства РФ органами исполнительной власти при взаимодействии с субъектами РФ	Информационно-аналитическая поддержка: «федеральная система стратегического планирования, включающая ресурсы органов власти, системы ситуационных центров и государственных научных организаций» (ст. 112, 113, 114)	Информационно-аналитическая поддержка: При координирующей роли СБ всеми органами государственной власти, а также: гражданами, общественными организациями и негосударственными институтами

Глава III

Преамбула стратегии национальной безопасности

Преамбула новой СНБ должна разъяснять существо этого документа и содержать основные понятия, определения и термины, используемые в нем. Прежде всего это касается определения понятий «национальная безопасность», «национальные интересы», «национальные приоритеты», «угрозы национальной безопасности». В преамбуле также должна быть обоснована сфера применения документа, его структура и политическое предназначение. В принципе, некоторые определения и разъяснения в преамбуле действующей СНБ уже даны и могут с успехом быть использованы в новой редакции СНБ. Поэтому здесь обращается внимание на те положения, которые нуждаются в доработке или корректировке.

Так, первым пунктом новой Стратегии может являться несколько измененное положение из нынешней СНБ. Оно могло бы звучать следующим образом:

- Настоящая Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим цели, задачи и меры в области обеспечения и укрепления национальной безопасности Российской Федерации, отражения имеющихся и потенциальных внешних и внутренних угроз и создания наиболее благоприятных условий для реализации российских национальных интересов.

Далее могут идти определения основных понятий:

- национальная безопасность Российской Федерации — это совокупность внутренних и внешних факторов, обеспечивающих жизнеспособность Российского государства в системе международных отношений, его способность отражать имеющиеся и перспективные угрозы своему существованию и действовать в соответствии со своими национальными интересами.
- национальные интересы Российской Федерации — осознанные российским обществом объективные потребности российской нации.
- угрозы национальной безопасности — явления внутрироссийского или международного характера, способные нанести прямой или косвенный ущерб национальной безопасности РФ как в настоящий момент, так и в будущем.
- стратегические национальные приоритеты Российской Федерации — важнейшие направления развития российской нации.

Далее в преамбуле должно говориться о сфере применения СНБ, в частности указываться, что эта сфера охватывает те области жизнедеятельности российской нации, ослабление которых, создает угрозу самому ее существованию. Это, в частности, включает территориальную целостность страны, национальное единство, обеспеченность населения продовольствием, теплом и энергией, надежное функционирование транспорта, связи и других стратегических инфраструктурных объектов, поддержание национальной системы ценностей, дееспособность государственных структур, оборонная достаточность, внутривнутриполитическая стабильность, устойчивое международное положение. При этом, национальная безопасность находится в диалектической взаимосвязи с другими сферами жизнедеятельности страны, включая, экономику, культуру, науку и образование, экологию, здравоохранение. Эти сферы могут также полностью или частично стать предметом внимания СНБ в тех случаях, когда их состояние создает или может в потенциале создать угрозу существованию нации.

Глава IV

Современная международная обстановка и положение России в системе международных отношений

Современная международная обстановка характеризуется быстрыми темпами развития новых центров силы на базе отдельных локальных человеческих цивилизаций, прежде всего китайской, российской, исламской, индийской и латиноамериканской, которые в среднесрочной перспективе превратятся не только в экономические, но и в самостоятельные военно-политические субъекты, способные защищать свои цивилизационные ценности и интересы. Это означает, что развитие МО ведет к появлению, как минимум, нескольких самостоятельных центров силы, претендующих на конкуренцию с единственным центром силы, существовавшим до этого, — западной цивилизацией.

С другой стороны, наблюдается достаточно очевидная и устойчивая тенденция к замедлению темпов развития западной цивилизации и снижению ее относительного веса, прежде всего, в мировой экономике, но также в идеологической, культурной и, как следствие, в политической областях. На смену глобальному доминированию Запада в системе международных отношений, приходит полицентричная система мироустройства, опирающаяся на центры силы, формируемые другими ЛЧЦ. Данный процесс отвечает национальным интересам России, так как позволяет ей сохранить и даже усилить свою роль одного из ведущих мировых центров силы. Другими словами, полицентричная система международных отношений позволяет России упрочить свое международное положение и более полно реализовывать свои национальные интересы, по сравнению с тем, что возможно в условиях однополярного доминирования западной цивилизации.

Между тем, Запад, все еще сохраняющий мировое лидерство в научно-технической и военной сферах, пытается конвертировать эти остающиеся у него стратегические преимущества в политическое влияние, которое позволило бы остановить неблагоприятные с его точки зрения процессы изменения международной обстановки, предотвратить формирование полицентричной модели мироустройства и навязать человечеству однополярную модель с лидерством западной ЛЧЦ.

Из этого вытекает основное противоречие современности, предопределяющее возможные сценарии дальнейшего развития международной обстановки. Это — противоречие между стремлением западной цивилизации сохранить свое доминирующее положение в мировых делах и прогрессирующим падением роли Запада в экономическом, научном, идейном и культурном развитии человечества. Данное противоречие обуславливает обострение борьбы между западной цивилизацией и другими ЛЧЦ.

Анализ поведения Запада говорит о том, что он действует с учетом определенного стратегического плана, направленного на сохранение своего доминирующего положения в системе международных отношений. И это понятно. Если бы Запад ничего не предпринимал, то нарастание многополярности происходило бы само по себе, без особых усилий со стороны других цивилизаций. В этом случае стал бы реализовываться сценарий стихийного нарастания многополярности системы международных отношений. Однако практические действия Запада на мировой арене показывают, что западная цивилизация противодействует этому сценарию всеми доступными силами и средствами. Фактически

Запад приступил к осуществлению политики, направленной на подрыв влияния наиболее мощных государств других цивилизаций, которые выступают точками кристаллизации новых центров силы. Речь идет, прежде всего, о России, Китае и Иране. Другие центры силы, такие как Индия, страны ЮВА и Бразилия, Запад пытается перетянуть на свою сторону, превратив их во временных союзников для борьбы с наиболее опасными конкурентами.

Целью данной политики является выигрыш времени. Запад рассчитывает, что, получив дополнительное время, он сможет либо перестроить свою экономику таким образом, чтобы вновь обрести экономическое лидерство в мире. Либо путем резкого прорыва в военно-технической области достигнуть решающего военного превосходства над остальным миром. Либо на то, что политика «мягкой силы» успеет в достаточной степени повлиять на общества ключевых стран других цивилизаций, чтобы подчинить их влиянию западной цивилизации или разрушить их путем разжигания внутренних противоречий.

Сегодня уже можно выделить несколько основных очевидных особенностей политики Запада:

- происходит ускоренное формирование новых союзов и военно-политических коалиций («обновление союзов», как говорит Б. Обама), под эгидой США, объединяющих основные ресурсы ведущих стран мира;
- усиливается акцент в политике и экономике на сохранении лидерства в технологической и военно-технической областях, а также в качестве ВиВТ, Соединенных Штатов и их ближайших военно-политических союзников;
- особенное внимание уделяется максимальной интеграции всех усилий западной ЛЧЦ для оказания эффективного системного военно-силового воздействия на потенциального противника;
- ведется настойчивая борьба по предотвращению создания возможных новых союзов и коалиций направленных против западной ЛЧЦ. Болезненная реакция США на БРИКС, ШОС, ОДКБ, ТС и любые интеграционные институты каждый раз подтверждает это, даже если в них и участвуют представители западной ЛЧЦ (как это было с инициативой КНР по созданию банка инфраструктурных инвестиций в Евразии);
- усиливается внимание к сохранению и превращению в открытое доминирование идеологического лидерства, включая силовое навязывание западной системы ценностей, внешне привлекательных концепций, прогнозов, планирования и идей социального проектирования.

В частности, политика сдерживания многополярности означает переход Запада к самому активному использованию различных элементов «мягкой силы», в том числе информационных войн, а также применение «жесткой силы» в виде экономических санкций, политического и дипломатического давления, запугивания и локальных вооруженных конфликтов. В ход идут такие многочисленные средства из арсенала «холодной войны», как подготовка и финансирование террористических групп, государственные перевороты, бойкоты и провокации.

В области экономики основные усилия Запада направлены на то, чтобы как можно дольше сохранять нынешнюю финансово-экономическую систему, опирающуюся на две западные резервные валюты — доллар и евро, а также на международную сеть западных банков. Запад стремится не допустить (или ограничить) равноправное участие крупных

развивающихся экономик в принятии решений по ключевым экономическим вопросам. В данном вопросе используется селективный подход. Упор сделан на полную или частичную изоляцию тех стран, которые, во-первых, представляют наибольшую конкурентную опасность для Запада, а во-вторых, изоляция которых не нанесет критического ущерба западной финансово-экономической системе. Например, экономически изолировать Китай, даже частично, США не могут. Изолировать Россию они могут частично, а вот изолировать Иран могут полностью.

Запад стремится не столько к наращиванию численности вооружений и вооруженных сил, а к поиску областей, где он сможет достигнуть решающего военно-технического превосходства, опираясь на свой научный потенциал. При этом США пытаются использовать соглашения по контролю над вооружениями для получения односторонних преимуществ или ограничения тех сфер военной и военно-технической активности, где другие государства могут выйти вперед. Запад стремится при помощи этих соглашений так реконфигурировать стратегический баланс, чтобы оппонентам нечем было парировать неожиданный прорыв США в той или иной военно-технической области, например, ПРО.

Пока Запад прибегает к вооруженным способам противоборства с другими цивилизациями в ограниченном объеме и опосредованно, то есть без прямого военного столкновения. В основном это осуществляется в форме поддержки клиентских государств и террористических организаций, удары которых направлены против государств-противников и их союзников. А локальные войны и внутригосударственные вооруженные конфликты, направлены, прежде всего, на то, чтобы изменить региональные балансы сил в той или иной ключевой точке и тем самым повлиять на общий стратегический баланс сил.

Это объясняется тем, что реальных возможностей достигнуть военного превосходства над Россией путем военно-технического прорыва в ближайшем обозримом будущем у Запада не имеется. Даже развитие глобальной системы ПРО в случае принятия Россией адекватных ответных мер, которые вполне достижимы, не обеспечит Западу решающего военного превосходства. В этих условиях точечные удары, направленные на изменение региональных балансов сил в ключевых районах являются наиболее эффективным и экономически доступным инструментом изменения ситуации в свою пользу.

Таким образом, главным направлением стратегии Запада является воспрепятствование усилению регионального влияния основных незападных держав. Прежде всего, России, Китая и Ирана, которые в условиях ослабления экономической роли Запада и привлекательности его общественной модели стали втягивать в свою орбиту соседние пространства. Причем, новым центрам силы вовсе не надо прибегать для этого к каким-то силовым рычагам. Сама логика экономических связей, гуманитарных, общественных и прочих контактов подталкивает ситуацию именно в этом направлении. Но соответственно в этих регионах стало уменьшаться влияние Запада. Между тем, данные регионы являются весьма чувствительными с точки зрения интересов Запада. Речь идет о Восточной Европе, зоне Персидского залива, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Вокруг Москвы стал складываться Евразийский экономический союз, который имеет перспективу втянуть в свою орбиту не только страны постсоветского пространства, но некоторые соседние государства. Иран стал точкой притяжения для шиитов Ближнего и Среднего Востока, что неминуемо ведет к религиозному расколу монархий Персидского

залива и их переходу в той или иной форме под иранское влияние. Продолжение данной тенденции привело бы к выходу этого энергетически важного региона из под западного контроля. Наконец, реализация Пекином интеграционных инициатив в Восточной и Юго-Восточной Азии в рамках доктрины «Большого Китая» создала реальную угрозу для военно-политических и экономических интересов США.

Со своей стороны, Пекин уже достаточно ясно осознал нарастающую активность Запада по противодействию своим интересам в Азии. В этих условиях заинтересованность Китая в поддержке Москвы стала возрастать. В своих отношениях с РФ Пекин будет руководствоваться тем, что его внешнеполитические приоритеты расположены на востоке и юго-востоке, а не на севере или западе. Главным среди этих приоритетов является Тайвань. Далее идут острова Восточно-китайского и Южно-китайского морей, позволяющие контролировать стратегические морские коммуникации, а также обширную морскую экономическую зону и шельфовые ресурсы морского дна. Китай также ведет линию на реализацию проектов экономической интеграции в Юго-Восточной Азии, которые намерен довести до конца. Помимо этого, Китай выдвинул грандиозный проект экономического пояса Шелкового пути.

Однако осуществление этой масштабной программы займет десятилетия. Особенно если учесть, что Запад стал активно противодействовать планам Пекина. В этих условиях Китай заинтересован в политической и военно-технической поддержке России, так как доступ к западным военным технологиям для него закрыт. Тем более, Китай, также как и Россия, озабочен наличием в некоторых своих провинциях сепаратистских настроений, которые подогреваются со стороны Запада. Это вызывает у китайского руководства опасения возможной внутренней дестабилизации страны. И в этом вопросе поддержка Москвы для Пекина также важна. Поэтому в перспективе до 2050 года России следует рассматривать Китай как ситуационного союзника, а не как потенциальную угрозу.

Таким образом, одним из направлений политики сдерживания многополярности, проводимой Западом, является не допустить втягивания соседних государств в зону экономического и военно-политического влияния России, Китая и Ирана и других нарождающихся центров силы. В этом контексте Запад пытается препятствовать развитию процессов региональной экономической интеграции (кроме тех, в которых участвуют сами западные страны) или будет стремиться подчинить эти региональные группы своему влиянию прямо или косвенно. Активно применяются методы санкций и бойкотов для того, чтобы ограничить экономический рост и влияние стран-конкурентов.

Запад также стремится воздействовать на общества и, прежде всего, на элиты государств-противников и их союзников, чтобы переориентировать эти элиты на западные ценности и включить их в орбиту своего влияния. С целью нейтрализации традиционных элит, противников прозападной ориентации и даже просто сторонников «многовекторности» организовываются «цветные революции» или государственные перевороты. Такие шаги иногда приводят к внутригосударственным вооруженным конфликтам, в том числе на постсоветском пространстве, как произошло на Украине в 2014 г. При этом Запад прикрывает и освящает действия своих подопечных, как бы ужасно они не выглядели с точки зрения человеческой морали. Им оказывается дипломатическая, политическая, информационная, пропагандистская и финансовая помощь, а в случае необходимости и возможна, помощь вооружением, военными советниками и наемниками.

Еще одним инструментом политики западной цивилизации является использование существующих и потенциальных этнических и религиозных конфликтов в регионах, имеющих важное значение для реализации стратегии сдерживания, в интересах укрепления там своего влияния. С этой целью Запад оказывает помощь одной из сторон конфликта, как например, в молдавско-приднестровском конфликте. Поддержав Молдавию против Приднестровья, Запад добился ее втягивания в ассоциацию с Евросоюзом, вопреки, логике экономических связей самой Молдавии, ориентированных на Россию и другие страны СНГ. Тот же самый прием был проделан в Грузии, где Запад поддержал Тбилиси в его конфликте с Абхазией и Южной Осетией. Схожая тактика используется сейчас в отношении Нагорно-Карабахского конфликта. В контексте этой логики надо рассматривать события в Сирии, Ираке и Йемене.

В рамках политики сдерживания многополярности Запад использует комплекс мер, как традиционных, так и инновационных. Пока главным инструментом является использование «мягкой силы» с целью подрыва государственности собственно России, Китая и Ирана, а также их союзников, стран тяготеющих к ним и даже государств, пытающихся проводить т.н. «многовекторную политику» т.е. тех, которые не имеют однозначной прозападной ориентации. Таким образом, речь идет, во-первых, о нейтрализации основных государств-оппонентов, и во-вторых, о создании против них коалиций из числа соседних стран под патронажем Запада.

В арсенале политики «мягкой силы» применяются в основном политические средства, хотя и с определенной силовой составляющей. Так, прозападная оппозиция и «пятая колонна» внутри властных структур используется для организации государственных переворотов и «цветных революций». Как показывают, события в Ливии, Сирии и на Украине, такие перевороты проводятся с участием вооруженных боевиков и затем перерастают во внутригосударственные вооруженные конфликты. В этих конфликтах Запад оказывает поддержку своим ставленникам в той или иной форме, включая авиационное прикрытие, предоставление данных разведки, посылку военных советников, сил спецназа или боевиков частных военных компаний.

Аналогичным образом используются этнические и религиозные сепаратистские организации, представляющие интересы национальных меньшинств. Их целью является разжигание национальной и религиозной вражды с основной частью населения той или иной страны, провоцирование столкновений на национальной или религиозной почве и их перевод в стадию внутригосударственного вооруженного конфликта. События в Ираке, Сирии, на Украине, в Синьцзян-Уйгурском автономном округе Китая и на Тибете вполне вписываются в этот сценарий.

Помимо «мягкой силы», предназначенной для применения в основном внутри государств, политика сдерживания многополярности предусматривает использование региональных межгосударственных конфликтов для усиления влияния Запада или подрыва влияния оппонентов в том или ином районе мира. С этой целью Запад осуществляет поддержку одной из сторон в конфликте в обмен на ее согласие на военно-политическое сотрудничество. Это — наиболее опасный элемент политики сдерживания, так как он чреват возникновением локальных войн, могущих перерасти в крупные региональные войны.

Так, возобновление полномасштабной войны в Нагорном Карабахе сразу же вовлечет в конфликт Россию и члена НАТО Турцию с непредсказуемым сценарием эскалации. Между тем, сейчас отмечается активизация западной дипломатии в плане «обхаживания»

Азербайджана с целью вовлечения его в политику НАТО по окружению России. Эти посулы стимулируют Баку в его политике военного давления на Армению и Нагорный Карабах, которое на определенном этапе может выйти из-под контроля. Так, опасная эскалация в зоне конфликта произошла в начале апреля сего года, когда возникли ожесточенные боестолкновения по всей линии соприкосновения азербайджанских и армянских войск.

Формирование на севере Ирака суннитского Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ) и его вторжение в Сирию фактически уже привело к локальному военному конфликту, в который оказались вовлечены Россия, Иран, Турция, США и монархии Персидского залива. Неадекватное поведение руководства Турции, которое при поощрении Вашингтона занимает довольно воинственную позицию в отношении Сирии, поддерживает на ее территории группировки боевиков и осуществляет экономическое сотрудничество с ИГИЛ, также не позволяет исключить возможность эскалации ситуации в Сирии до регионального уровня. Наиболее близко к взрывоопасному развитию событий ситуация подошла в ноябре 2015 года после того, как турецкий истребитель сбил российский бомбардировщик Су-24, который, якобы, нарушил воздушную границу Турции.

По существу, начальный этап сетецентрической (гибридной) войны против России уже в самом разгаре. Решение частных задач на Украине должно привести к возникновению очага напряженности на протяжении всей 2000 километровой границы с Россией, а также созданию максимально враждебной России внешней среды при минимальных рисках и издержках США и их союзников. Но апогей наступит после 2021–2022 годов, когда смена старой парадигмы МО вызовет уже не локальное, а масштабное использование военной силы.

Глава V

Текущие и перспективные угрозы национальной безопасности России

В начале XXI века политика Запада по отношению к России переросла в откровенно силовую политику, в которой отчетливо присутствовали элементы шантажа, угроз и запугивания. Прямое вооруженное воздействие на российские интересы осуществляется пока через клиентские режимы и негосударственные организации. Созданные за последние годы при участии Запада неформальные вооруженные формирования, террористические группы и экстремистские организации стали использоваться на постсоветском пространстве, проникая время от времени и на российскую территорию.

Если в 90-е годы вооруженный сепаратизм на Северном Кавказе был следствием, главным образом, внутренних причин, то современное террористическое подполье создано и управляется международными террористическими организациями, которые тесно связаны со спецслужбами США и Великобритании. На Украине действия экстремистских националистических и пронацистских группировок получают полную поддержку не только киевских властей, но и Запада, причем не исключено, что их финансирование также поступает из-за рубежа.

В итоге на Украине и Донбассе военная сила в полномасштабном формате стала применяться против этнических русских, в том числе гражданского населения, т.е. началась прямая война с российской нацией. При этом в рядах ВС киевского режима действовали вооруженные представители западных стран — советники, инструкторы, бойцы спецподразделений, разведчики и корректировщики огня. И не важно, что это не были действующие военные стран НАТО, а отставники и представители частных военных компаний (ЧВК). Они управлялись, т.е. действовали в интересах и подчинялись руководству США и НАТО, в соответствии с нормами и правилами новой, гибридной войны. Проще говоря, во втором десятилетии XXI века на Украине война против России фактически началась, хотя формально ее никто и не объявлял.

Эта системная и сетецентрическая война западной ЛЧЦ против России преследует самые решительные и бескомпромиссные цели:

- во-первых, воспрепятствование превращению России в центр силы, способный угрожать сложившейся в XX веке военно-политической и финансово-экономической системе, обеспечивающей США и возглавляемой ими западной ЛЧЦ выгодное перераспределение мировых ресурсов. Россия фактически поставлена перед выбором: либо, сохранив остатки суверенитета, принять внешние правила и нормы поведения в мире и в самой стране, либо быть уничтоженной в качестве самостоятельного и независимого государства.
- во-вторых, ликвидацию суверенных институтов управления России, способных защищать национальные интересы и ценности уже после фактической потери ими власти в стране. Национальные институты — будь то институты военной организации, культуры, образования, природопользования, либо любые иные — рассматриваются в качестве потенциальной угрозы западной ЛЧЦ именно в силу их «неподчиненности» Западу. Такие независимые институты, по оценке западной ЛЧЦ, угрожают всей сложившейся в мире системе взаимоотношений и ценностей самим фактом своего существования. Они могут, даже не будучи активированы, подавать пример другим участникам международных отношений, ставя под сомнение право западной ЛЧЦ контролировать положение в мире;
- в-третьих, изменить существующие международные нормы и правила, включая территориальные границы зон ответственности, контроля над транспортными коридорами, акваториями и, в конечном счете, геополитическим пространством в пользу западной ЛЧЦ, изоляцию России от союзников с последующим разделом ее территории и ресурсов.

В этой связи следует исходить из того, что современный сценарий развития МО означает только начальную, во многом скрытую, стадию сетецентрической войны против России, за которой неминуемо должны последовать более решительные наступательные действия. Однако уже на нынешнем этапе достаточно отчетливо проявились основные черты этой войны, которые характеризуются:

- идеологической, цивилизационной и политической бескомпромиссностью, что исключает благостные надежды на «замирение с Западом». При этом такая бескомпромиссность сочетается с проведением политики «мягкой силы».
- конечными военными целями «на уничтожение» российской ЛЧЦ и России, как государства, а не на заключение перемирий и договоренностей, и не предполагает

«цивилизованного» использования оружия, как показали события на Украине. Требуется не просто поражение России, а ее уничтожение как единого государства и центр возможной консолидации сил в Евразии.

Таким образом, вырисовывающиеся в настоящий момент военно-стратегические цели Запада несут смертельную угрозу национальной безопасности России. Даже частичное достижение Западом этих целей привело бы не просто к ущемлению ключевых национальных интересов России, но означало бы, по сути, ее капитуляцию, равноценную полному военному поражению. Такой результат является неприемлемым для России по одной простой причине. В этом случае России просто не станет, а российская нация будет расчленена и уничтожена. Поэтому в этой борьбе целью может быть только победа.

Таким образом, угроза национальной безопасности России со стороны Запада является стратегической, многофакторной, непреходящей и ставит под удар само существование российской нации. Данная угроза проявляется непосредственно — как действия западной цивилизации против России, так и косвенно в виде различных шагов Запада более общего плана или направленных против других государств, но ставящих целью не допустить формирование полицентричной системы международных отношений. Более того, данная угроза проявляется практически во всех областях международных отношений — военной и военно-политической, экономической, политической, информационной, культурной и других.

Прежде всего, эта угроза сосредоточена против русских как этнической общности, ибо Запад проводит политику, направленную на уничтожение русской нации. Одним из ключевых элементов этого курса является воспрепятствование воссоединению русской нации, искусственно разделенной вследствие распада СССР. Одновременно Запад всячески поощряет этнократические режимы бывших советских республик в проведении политики принудительной ассимиляции (Прибалтика, Молдова, Украина), а иногда и физического террора в отношении этнических русских (Украина, Молдова). Помимо этого, Запад препятствует интеграционным процессам на постсоветском пространстве, которые создают предпосылки для воссоединения русской нации естественным, ненасильственным путем в рамках ЕАЭС. Аналогичная линия проводится Западом в отношении других пророссийски настроенных национальностей — осетин, абхазов, лезгин.

Между тем, разделенность русской нации сама по себе — важнейшая угроза национальной безопасности. К тому же, это мешает России объединить все имеющиеся национальные ресурсы для защиты национальной безопасности. Более того, это позволяет Западу использовать отколотые части русской нации (например, Украину) против России. Реализуется давняя мечта врагов русской нации и государства, когда русские уничтожаются руками русских. Поэтому защита интересов этнических русских, проживающих в настоящий момент за пределами РФ (также как и других народов РФ, например осетин), является важнейшей задачей российского государства. А конечной целью является воссоединение русской нации в той или иной форме.

В военной и военно-политической области угрозы национальной безопасности проявляются в следующих формах:

- Попытки США добиться военного превосходства над Россией путем создания новых видов вооружений, способных подорвать стратегический паритет (например, развитие системы ПРО).
- Расширение НАТО на восток путем приема в него новых членов.

- Развертывание дополнительных вооружений и контингентов войск НАТО на территории восточноевропейских членов альянса.
- Создание военных плацдармов США и НАТО в других регионах вблизи российских границ (Грузия, Афганистан).
- Поддержка Западом вооруженных сепаратистских организаций и радикальных исламистских группировок на российской территории.
- Поддержка Западом международных террористических организаций, действующих вблизи границ России и ее союзников (Сирия, Афганистан).
- Попытки Запада спровоцировать межгосударственные вооруженные конфликты на постсоветском пространстве и внутригосударственные вооруженные конфликты на территории союзников РФ.
- Разведывательная и подрывная деятельность иностранных спецслужб против России, ее союзников и ее интересов на постсоветском пространстве.
- Масштабные кибернетические атаки на российскую инфраструктуру связи и коммуникаций.

В политической области:

- Воспрепятствование воссоединению русской нации, искусственно разделенной в результате развала СССР.
- Поддержка принудительной ассимиляции и дискриминации русского населения в республиках бывшего СССР.
- Практика захвата российских граждан в третьих странах с целью привлечения их к суду на территории США.
- Препятствование интеграционным процессам на постсоветском пространстве.
- Втягивание стран постсоветского пространства в различные западные международные структуры, прежде всего, в НАТО.
- Подготовка и организация государственных переворотов и «цветных революций» на постсоветском пространстве и в стратегически важных районах вблизи российских границ (Грузия, Украина).
- Политическая поддержка и финансирование русофобских националистических и пронацистских организаций на постсоветском пространстве.
- Формирование «пятой колонны», поддержка, в том числе финансовая, антигосударственных, капитулянтских и пораженческих кругов в российском обществе и органах власти.
- Деятельность российских общественных организаций, иностранных и международных неправительственных организаций, религиозных сект, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности РФ, дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей.
- Деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции и торговлей людьми.

В экономической области:

- Сохранение экспортно-сырьевой модели российской экономики, ее существенная зависимость от внешних рынков.
- Уязвимость национальной финансовой системы от действий, в том числе политически мотивированных, иностранных государств и международного спекулятивного капитала.
- Применение экономических санкций против России и стратегических российских компаний, политически мотивированные аресты российских активов за рубежом.
- Препятствование экономическому сотрудничеству России с третьими странами.
- Дискредитация российских товаров, услуг и рынков в мировом информационном пространстве.
- Сохранение значительной доли теневой экономики, условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений.
- Незаконная миграция.
- Неравномерное распределение населения по территории страны, опустение стратегически важных регионов Дальнего Востока.

В информационной области:

- Развертывание русофобской пропаганды в мировом информационном пространстве.
- Проведение психологических спецопераций по дискредитации России, ее внутренней и внешней политики.
- Информационные атаки на российскую систему национальных ценностей.
- Пропаганда межнациональной розни и провоцирование межнациональных конфликтов на территории РФ и ее союзников.

В области науки, культуры и образования:

- Размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей путем внешней культурной и информационной экспансии, своего рода «культурного империализма».
- Снижение качества общего, среднего профессионального и высшего образования.
- Падение престижа профессий ученого, преподавателя и инженера, а также уровня социальной защищенности работников инженерно-технического, профессорско-преподавательского и научно-педагогического состава.
- Снижение роли русского языка в мире, прежде всего на постсоветском пространстве, и качества его преподавания в России и за рубежом.
- Фальсификация российской истории, искажение роли России в мировом историческом процессе.
- Недостаточно эффективная система стимулирования научно-технического прогресса, разработки и внедрения передовых технологий.
- Сохраняющаяся в ряде областей зависимость от импортных поставок научного, испытательного оборудования, приборов и электронных компонентов, программных и аппаратных средств, вычислительной техники.
- Несанкционированная передача за рубеж конкурентоспособных отечественных технологий.

Безусловно, помимо угроз национальной безопасности, вызванных политикой Запада, Россия сталкивается с различными угрозами иного происхождения. Однако, по степени опасности для российской нации, они не идут ни в какое сравнение с угрозами, являющимися следствием западной политики. Большинство из этих угроз и не появилось бы вовсе, в отсутствие нынешней политики Запада, или, по крайней мере, не имели бы столь острых и опасных форм, как сейчас.

Так, например, вызывающее поведение Турции в Сирии было бы просто невозможно, если бы не поддержка со стороны Вашингтона. Саудовская Аравия никогда не рискнула бы поддерживать исламские террористические организации, действующие на российском Северном Кавказе, без поощрения Запада. Даже притязания Японии на Курильские острова давно прекратились бы, не чувствуй Токио негласной поддержки США. А поток наркотиков из Афганистана был бы на порядок меньше, если бы не поддержка со стороны американской военной администрации в этой стране. Таким образом, обеспечение национальной безопасности России зависит, прежде всего, от способности отразить главную угрозу — угрозу со стороны западной цивилизации.

Глава VI

Пути и способы обеспечения национальной безопасности России в условиях наиболее вероятного сценария развития МО

Рассматривая наиболее вероятный сценарий развития МО, прежде всего, борьбы западной ЛЧЦ против России, необходимо отдавать себе отчет, что главным условием успешного цивилизационного противоборства в XXI веке является ясно выбранная и поддержанная обществом стратегия национального развития, которая имеет четкую цель и эффективные средства её достижения. Это должна быть такая стратегия, которую понимает и разделяет большинство нации, что автоматически обеспечивает правящей элите доверие и поддержку.

К сожалению, пока такой целостной стратегии у России не сложилось. Политические действия Москвы не системны, тем более, не сетцентричны, а во многом рефлекторны, направлены на нейтрализацию угроз, а не на продвижение своей собственной повестки дня. В то же время, одни лишь оборонительные действия и реагирование на шаги противника не будут эффективны и не дадут желаемого результата.

Россия должна иметь собственный план действий как внутри западного сценария развития МО, так и вне его. Другими словами, российская стратегия должна руководствоваться условной «программой минимум» и «программой максимум». Программа минимум в данном случае состоит в том, чтобы защитить национальную безопасность страны в рамках сценария Глобального военно-силового противоборства. Программа максимум состоит в том, чтобы навязать миру, прежде всего, Западу свой сценарий развития

МО. Таким благоприятным сценарием мог бы быть, например, сценарий «Согласованного перехода к полицентричной системе международных отношений»³⁵.

При этом способность России реализовать программу минимум будет зависеть в основном от имеющихся ресурсов и их грамотного использования. А вот реализация программы максимум будет уже определяться тем, насколько эффективно будут действовать наши оппоненты, смогут ли они избегать серьезных ошибок и тем, получим ли мы поддержку других влиятельных субъектов МО, неподконтрольных Западу.

При этом особенно важно определить, какой потенциал нужен, для каких целей, какого качества и в каком количестве. Это означает, что мы должны быть готовы дать ответную и несимметричную реакцию на максимально большое число вызовов, разрабатывая наиболее адекватные средства и способы борьбы. Принцип асимметрии при планировании — самый важный принцип, ибо он позволяет государству самостоятельно планировать свою военную и внешнюю политику, а не идти вслед за тем, что делают другие. К тому же, наша задача облегчается тем, что именно Запад является в данном случае атакующей стороной и следовательно инициатором разнообразных действий, в том числе гонки вооружений и новой военной стратегии и тактики. То есть он первый вводит в действие новые инструменты противоборства, не зная нашего потенциального ответа. У нас же имеется определенный запас времени для того, чтобы проанализировать шаги противника и дать на них наиболее адекватный ответ.

Наиболее эффективное противодействие при реализации будущего сценария заключается в выявлении уязвимых мест противника и нанесении ударов именно по ним. Это позволит достигнуть наших целей наиболее эффективно и с наименьшими затратами. Одним из таких уязвимых мест являются, например, некоторые союзники США, имеющие неустойчивую политическую систему, например, государства Восточной и Южной Европы, а также Центральной Америки и Ближнего Востока. Дестабилизация ситуации в этих странах с использованием методов сетецентрического противоборства, вынудило бы США переориентировать ресурсы для купирования таких кризисов. Это в свою очередь ослабило бы давление США на периферию РФ. Более того, это заставило бы США распылять ресурсы, делая свои позиции уязвимыми в других точках мира, где можно было бы нанести следующий удар. Причем такой удар мог бы не обязательно наноситься Россией, а другими нарождающимися центрами силы.

Внутриполитическое направление

Если брать внутрироссийский аспект национальной безопасности, то для успешного противоборства с Западом следует стремиться к достижению следующих основных целей:

- достижение военного превосходства;
- достижение интеллектуального превосходства;
- достижение превосходства в качестве национального человеческого капитала;
- приведение военной организации государства в соответствие с реалиями сетецентрической войны.

³⁵ См.: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО, 2016. — с. 544–550.

Все эти цели представляются реально достижимыми. Они вполне под силу российскому государству при правильной организации дела и задействовании творческого потенциала всей нации.

Действительно, если сравнивать совокупные потенциалы сторон, то Россия многократно уступает западной цивилизации. Во всех значимых областях международного влияния — экономической, политической, информационной — Россия не в состоянии достигнуть преимущества над Западом. При таком арифметическом подходе поражение кажется неминуемым. Но есть один атрибут национальной мощи, который перекрывает все другие и который может обеспечить решительную победу. Это — военная сила. Условно говоря, военная карта всегда побьет экономическую, демографическую и любую другую.

На первый взгляд, добиться военного превосходства над Западом, который экономически многократно мощнее, не представляется возможным. В любой количественной гонке вооружений и численности войск Россия обречена на поражение. Однако опыт истории показывает, что количественное превосходство далеко не всегда обеспечивает успех в войне. Побеждает та сторона, которая имеет более совершенное оружие, более умелых воинов, лучшую военную организацию, дисциплину и находчивость. Все это — качественные, неисчисляемые величины национальной мощи, которые не поддаются чисто механическому сравнению. Они зависят от таких слабо улавливаемых в количественном анализе факторов, как национальный дух и национальный характер. Именно здесь следует искать путь к успеху.

Прежде всего, поскольку достигнуть военного превосходства над Западом экстенсивным путем — наращиванием количества вооружений — не реально из-за разницы экономических потенциалов, то Россия должна добиться в военной области качественного превосходства. То есть идти путем создания наиболее передовых и эффективных систем вооружений, способных перевесить западную военную мощь. Такой прорыв сейчас обозначился, например, в сфере радиоэлектронной борьбы (РЭБ), где российская техника намного опередила западную. И это резко изменило ситуацию на театре возможной войны. Все преимущества высокоточного оружия НАТО сразу же оказались под сомнением.

Надо также понимать, что экономический потенциал и интеллектуальный потенциал — вещи напрямую невзаимосвязанные. Поэтому добиться качественного превосходства над противником можно за счет знаний, навыков, изобретательности и мастерства российских ученых, инженеров, конструкторов и рабочих. Военно-техническая область — эта одна из немногих сфер, где Россия сохраняет мировое лидерство. Россия также относится к странам, имеющим лидирующие позиции в таких сферах, как космические технологии, ракетная техника, авиастроение, атомная энергетика, производство новых материалов и информационные технологии. На этих направлениях и следует сконцентрировать дальнейшие усилия для военно-технического рывка. Вообще наука должна стать важнейшим приоритетом национальной стратегии, иначе проигрыш в сетевцентрической войне неизбежен.

В этой связи ключевой проблемой военного строительства в России становится повышение эффективности используемых в целях безопасности, включая оборону, национальных ресурсов. В самом общем виде такой концептуальный выбор должен быть сделан между расходами на количество ВВТ и их качество, наукоемкость, оригинальность и боевую эффективность, т.е. те свойства, которые характеризуют высокое качество человеческого потенциала. Этот аспект крайне важен, ибо позволяет концентрировать национальные

ресурсы на самых важных направлениях военного строительства. Представляется, что в 2016 году таковыми являются:

- воздушно-космические силы (ВКС);
- стратегические наступательные вооружения (СНВ);
- относительно ограниченные мобильные сухопутные силы;
- силы специальных операций.

Перераспределение финансирования в рамках уже обозначенных военных расходов (ограниченных объемом ВВП и долей военного бюджета) также должно исходить их нового характера угроз национальной безопасности, вытекающих из сценария «Глобального военно-силового противоборства». Прежде всего, необходимо пересмотреть приоритеты между видами и родами войск в пользу новых видов, ориентированных на использование в сетцентрических войнах. Речь идет, прежде всего, о таких новых видах войск как войска, предназначенные для ведения борьбы в информационном пространстве.

Осуществление военно-технического рывка непосредственно связано с повышением уровня подготовки личного состава ВС, которая должна соответствовать уровню новой техники, поступающей на вооружение. Качество личного состава (образование, профессиональные навыки, физический уровень, нравственно-духовное состояние) ВС страны, качество ВиВТ и качество управления должны занимать важнейшее место в планах подготовки отражения внешней опасности. В том числе и с точки зрения финансирования, администрирования и политико-идеологической подготовки.

Должен, также повыситься интеллектуальный потенциал всей военной организации государства, уровень военного планирования, военного искусства, организации и управления вооруженными силами. Решение этих задач невозможно без существенного роста НЧК, опережающего развития науки и техники. В конечном счете, это — выбор в пользу ускоренного развития потенциала человеческой личности, качества НЧК и его институтов, который станет решающим средством повышения эффективности всех силовых и вооруженных средств, а также личного состава ВС и других институтов военной организации государства. Более того, от качества НЧК зависят, по большому счету, и возможности оборонной промышленности, и качество ВиВТ, а также эффективность управления государством и его военной организацией.

Иными словами, будущая победа будет обеспечена наиболее умными, креативными и профессионально подготовленными специалистами, обеспечивающими весь спектр силового (а не только вооруженного) противоборства. Соответственно и доля национальных ресурсов, в т.ч. финансовых, выделяемых на подготовку и сбережение таких кадров, должна быть увеличена относительно других расходов. Это означает, что расходы на профессиональную и нравственную подготовку личного состава ВС и командования будут существенно выше, а их доля не только в ВиВТ, но и в управлении будет существенно больше.

Эволюция внешних опасностей и угроз, изменение характера политического противоборства и вооруженной борьбы в XXI веке очевидно внесут радикальные изменения в способы и формы ведения силовой и вооруженной борьбы, неизбежно сделав проблему выбора между ними чрезвычайно актуальной. Развязывание Западом против России войны нового типа, сетцентрической (гибридной), требует выработки новых способов, методов и приемов противодействия этой агрессии.

В этой связи руководству России предстоит принять на вооружение нетрадиционные способы и средства ведения войны, которые должны быть, не только адекватными, но и эффективными, а также политически приемлемыми. Все это требует дальнейшего развития военного искусства. Следует вести речь уже не только о развитии отдельных аспектов военного искусства — стратегии, оперативного искусства и тактики, но об искусстве ведения сетецентрической цивилизационной борьбы за выживание нации. Это — военное искусство для силовой борьбы всей нации за сохранение своей идентичности и государственного суверенитета³⁶.

Такое военное искусство еще только требуется создавать, но уже сегодня ясно, что в нем необходимо предусмотреть новые способы использования военной силы. Уже очевидно, что происходит не только «размывание» границы между силовыми и вооруженными средствами и способами, но и превращение одних средств и способов их применения в другие. Так, например, бутылки с зажигательной смесью, палки и щиты не относились к категории «оружие», но их использование в Киеве в феврале 2014 года показало, что при применении определенных приемов военного искусства они становятся смертельным и достаточно эффективным оружием.

Помимо этого, предстоит продумывать принципы и формы использования различных общественных институтов, заточенных на ведение сетецентрической войны. В частности, речь идет о том, каким образом в будущей войне могут быть использованы политические, религиозные, творческие организации, ассоциации граждан, бизнес-структуры и институты бизнес-сообщества. Сетецентрической агрессии Запада должны быть противопоставлены свои средства, свои организации, свои инструменты влияния. Причем, не только для нейтрализации усилий противника, но и для борьбы на «чужой территории», включая территорию противника.

Необходимо осуществлять разработку самого широкого спектра способов и средств силовой и вооруженной борьбы, включающих, в том числе и принципиально новые средства и способы, которые традиционно еще не относятся к вооруженной борьбе, а также их синтез со старыми и новыми средствами и способами ведения боевых действий. Необходимо, кроме того, разработать соответствующие специальные средства противодействия таким невооруженным силовым акциям, чтобы у защитников государства кроме саперных лопаток и автоматов были эффективные средства борьбы.

Нужен широкий спектр таких средств — от индивидуального оснащения военнослужащего (и ополченца) и гражданина до средств вооруженной борьбы для целых подразделений и даже целых воинских частей. И не только воинских частей или внутренних войск, но и для гражданских и полувоенных формирований, резервистов или частей активного резерва и национальной гвардии. Монопольное право на боевое оружие для ВС или ВВ должно быть заменено контролируемым правом для определенных гражданских и полувоенных организаций, а также лично для граждан, принадлежащих к соответствующим организациям.

Предстоит готовиться заранее к любому из вариантов развития событий, что предполагает тотальную подготовку не только военной организации страны, но и всей нации. План

³⁶ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М. : МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

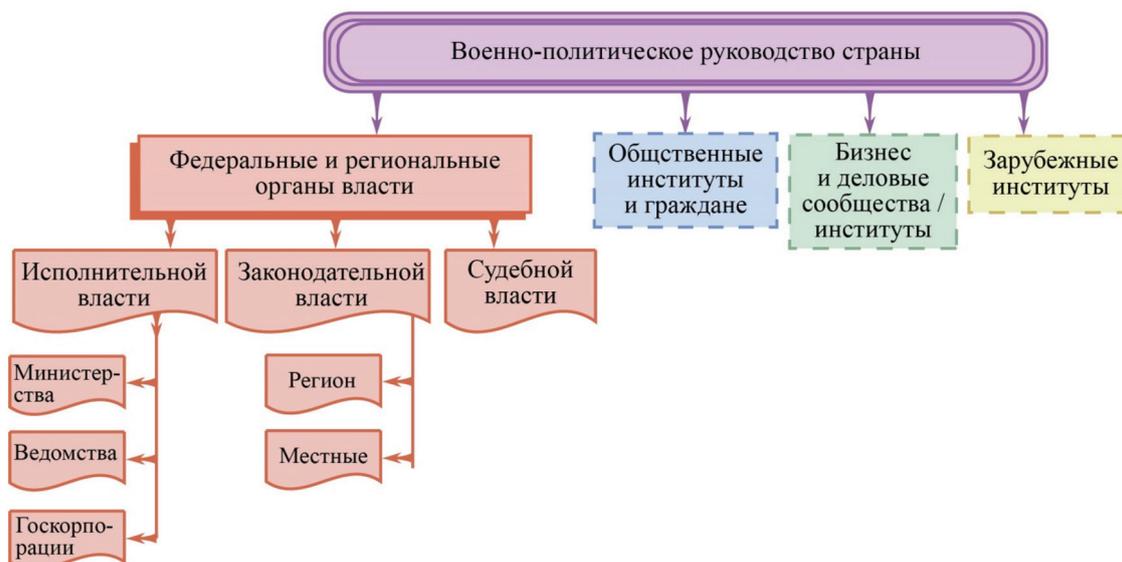
развития ВиВТ в этих условиях должен быть существенно расширен. В него, например, должны быть включены силы, средства и меры силового подавления, организованных извне, гражданских выступлений. Просто водометов и резиновых палок для этого будет явно не достаточно. Особенно, если учитывать масштаб и достигнутый очень высокий технологический уровень организации подобных акций на Западе.

Важнейшим направлением обеспечения национальной безопасности в новых условиях является реформирование военной организации государства. Это необходимо сделать потому, что в противодействии агрессии в условиях сетецентрической войны должны участвовать все институты государства, а не только его военная организация. Кроме того, в отражении сетецентрической агрессии должны участвовать негосударственные общественные организации, институты гражданского общества, а также бизнес-сообщество, ибо спектр средств воздействия сетецентрической войны чрезвычайно широк и не ограничивается только вооруженными силами и средствами.

Главное, что должно произойти в государственном и военном управлении России, это переход от государственного (институционального) к национальному (общественно-политическому) управлению не только на уровне органов власти, но и на региональных и местных уровнях и уровне военных организаций. Это означает, что концептуально государственное и военное управление должно выйти за рамки институтов государства — как законодательных, так и исполнительных и судебных — на общенациональный уровень, где существующие механизмы и институты не отменяются, а дополняются национальными.

Новая военная организация в России должна обладать возможностью управления не только ВС и силовыми формированиями, но и гражданскими институтами и бизнес-структурами, обеспечивая их максимально полной и проверенной информацией, гарантируя, таким образом, работу на опережение. Другими словами, государственное и военное управление должно стать общенациональным управлением ведения сетецентрических операций на любых ТВД и в ходе любого по масштабу или интенсивности конфликта, включая глобальный ядерный конфликт. Примерная схема новой военной организации государства показана на следующем рисунке.

Военная организация Российской Федерации

Во главе новой военной организации государства должен стоять уже не Генеральный Штаб или Министерство обороны, а Верховный главнокомандующий, то есть Президент страны. Причем, осуществлять свое руководство он должен через соответствующий орган управления, функции которого должны быть значительно шире, чем у нынешнего Совета Безопасности. Прообразом такого органа управления может служить Государственный комитет обороны (ГКО), созданный в период Великой Отечественной войны.

Внешнеполитическое направление

Если рассматривать международные аспекты национальной безопасности, то в этой сфере у России также имеются хорошие возможности противостоять политике западной цивилизации, несмотря на все превосходство последней во внешнеполитических ресурсах. Сильная сторона позиции России заключается в том, что она, как принято говорить, находится «на правильной стороне истории», точно также как это имело место в период Великой Отечественной войны. Надо понимать, что гегемонизм Запада малопривлекателен для других цивилизаций и у него всегда больше противников, чем сторонников. Многие страны следуют в фарватере США чисто из-за страха, а не по убеждению. Они не рискуют открыто вступить в конфронтацию с Вашингтоном, но были бы рады освободиться от американской опеки.

Даже если Россия и не находится в формальных союзах с государствами, представляющими новые нарождающиеся центры силы, российское противодействие западному диктату встречает у них понимание и сочувствие. С другой стороны, политика этих стран по укреплению собственного суверенитета и зон влияния, как правило, соответствует российским интересам, так как объективно ограничивает влияние Запада и подрывает его мировое доминирование. Более того, встречаясь с вызовом со стороны этих стран, Запад вынужден расплывать собственные ресурсы, что мешает сосредоточить их все против России.

Поэтому внешнеполитическая стратегия России должна состоять в поддержании объективной тенденции к развитию многополярности, содействии любому движению в этом направлении даже тогда, когда это не несет непосредственных экономических или других выгод российскому государству. Конечно, в этом случае надо внимательно соразмерять свои действия с расходами на осуществление этих действий, чтобы не привести к излишней трате государственных средств. По существу, такие бескорыстные шаги следует предпринимать в ситуациях не требующих существенных трат. В качестве малозатратных инструментов взаимодействия с другими странами могут выступать: политическая, дипломатическая поддержка, консультирование, предоставление разведанных, обмен опытом, помощь в распространении информации, подготовка военных и журналистских кадров и некоторые другие.

Очевидно, что необходим поиск новых путей формирования геополитического пространства, создания союзов и военно-политических коалиций, бездарно потерянных в 90-е годы XX века. В этих целях во внешнеполитической доктрине страны необходимо создать привлекательную для всех цивилизаций модель международной и региональной безопасности, основанную на нравственных политических и социальных нормах в противовес

существующей западной модели безопасности. Такая модель могла бы основываться на следующих принципах:

- многообразие человеческой цивилизации в противовес западному глобальному универсализму;
- полицентричная система международных отношений в противовес однополярной системе с американским лидерством;
- демократизация международных отношений в противовес западной политике диктата и вмешательства во внутренние дела других государств.

Надо сказать, что эти принципы время от времени озвучиваются российской стороной, однако, в основном, по отдельности, без четкой привязки друг к другу. Происходит это фрагментарно, от случая к случаю, то есть не системно. В итоге у стороннего наблюдателя нет четкого понимания того, что Россия озвучивает альтернативную модель международных отношений. Между тем, данная модель должна лежать в основе всех российских внешнеполитических мероприятий и озвучиваться постоянно и повсеместно. Международное сообщество должно ясно осознавать, что существует реальная альтернатива западной концепции мироустройства.

Очень весомым способом воздействия на изменение мирового баланса сил не в пользу Запада должен стать российский экспорт вооружений. России следовало бы отказаться от некоторых самоограничений такого экспорта, которые были введены по настоянию Запада и продолжают играть в пользу сохранения западного военного превосходства. Прежде всего, следовало бы выйти из режима контроля за распространением ракет и ракетных технологий. Например, разрешить экспорт противокорабельных крылатых ракет повышенной дальности, что сразу бы обесценило влияние американских авианосных групп. Важнейшей статьёй экспорта должны стать самые современные системы ПВО и ПРО. Можно было бы также начать экспорт дальних и стратегических бомбардировщиков, что позволило бы другим странам иметь средства для нанесения ударов по территории США и их союзников. То же, самое, касается и многофункциональных атомных подводных лодок, вооруженных крылатыми ракетами большой дальности.

Главным направлением российских усилий во внешней политике должно оставаться постсоветское пространство. На этом направлении России следует перейти от оборонительных действий к наступательным. Помимо укрепления ЕАЭС и ОДКБ, как центра евразийской интеграции, необходимо начать планомерную работу по вытеснению западного влияния с постсоветского пространства. В ход должен идти самый широкий арсенал средств, от уже применяемых в сетцентрической войне, до новых креативных решений, которые еще не разработаны нашими оппонентами.

Важнейшим противовесом Западу, как в АТР, так и на глобальном уровне, продолжает оставаться Китай. Поэтому взаимодействие с ним должно в настоящее время являться главным приоритетом российской внешней политики. Неформальный альянс России и Китая позволяет парировать все враждебные выпады Запада. Россия способна прикрыть Китай в военном отношении, а Китай прикрыть Россию в экономической сфере. Поэтому вполне логично, что Запад уделяет серьезное и постоянное внимание разработке путей внесения разлада в российско-китайские отношения.

Другим противовесом Западу в АТР является КНДР. Наличие конфликта между севером и югом Кореи заставляет Вашингтон держать в данном регионе определен-

ные военные силы. А это ведет к распылению американских ресурсов и неспособности сконцентрировать их в один кулак против России. Поэтому укрепление военного потенциала Северной Кореи могло бы входить в число российских интересов. При этом нет необходимости ослаблять наработанные в последние два десятилетия связи с Южной Кореей. Сеулу следует разъяснить, что односторонняя военно-политическая ориентация на Вашингтон не способствует стабилизации обстановки на корейском полуострове. Вместо этого Южной Корее следовало бы диверсифицировать свое военное сотрудничество в сторону России и Китая.

Приоритетным направлением содействия многополярности является не только формирование формальных и неформальных союзов, но и поддержка самостоятельных незападных альянсов в различных уголках мира. Одним из направлений такой политики является развитие отношений России со странами АСЕАН. Схожая стратегия должна применяться в отношении других отдаленных от России регионов, в частности, Латинской Америки и Африки. Помимо обычного взаимовыгодного сотрудничества с такими региональными объединениями, России следует политически и дипломатически поддерживать любое усиление независимых от Запада интеграционных процессов в этих регионах.

Япония, являющаяся американским сателлитом и непотопляемым авианосцем на Тихом океане, вряд ли, может быть оторвана от США и превращена в самостоятельный полюс силы. Для этого японцам надо было бы избавиться от американской опеки. Однако этот процесс не может идти быстро. Тем не менее, Япония, как страна не принадлежащая к западной цивилизации, не может быть полноценно интегрирована в эту цивилизацию. Это открывает определенные возможности для сотрудничества России с Японией в идеологической и культурной областях. Такое сотрудничество смогло бы подчеркнуть уникальность обеих цивилизаций — российской и японской, и их принципиальные отличия от западной цивилизации. А это способствовало бы предотвращению дальнейшего втягивания Японии в идеологическое противоборство Запада с российской цивилизацией.

Индия является столпом многополярного мира в Южной Азии. Укрепление ее военного потенциала оказывает и будет дальше оказывать стабилизирующее влияние на международную обстановку в бассейне Индийского океана. Россия заинтересована в том, чтобы военный потенциал Индии превосходил любое возможное военное присутствие Запада в этом районе мира. С этой целью Россия должна продолжить оказывать Индии военно-техническое содействие, причем, не только, исходя из коммерческих соображений, но и геополитических приоритетов. В этом контексте видимо было бы, правильно признать ядерный статус Индии и помочь ей в создании полноценных ядерных сил сдерживания, сопоставимых с китайскими или французскими.

Ключевой державой, блокирующей экспансию США и их союзников в Центральной Азии и Закавказье является Иран. Эта страна, также как и Россия, уже вовлечена в сетцентрическую войну с Западом на Ближнем Востоке. Иран, как государство-лидер исламской цивилизации, который не подчинен Западу и не встроен в западные союзы, совершенно неприемлем для западной цивилизации. Отсюда постоянное давление и нападки на Иран со стороны США и их союзников. Для России важно, чтобы Иран продолжал выполнять важную стратегическую миссию, сдерживая экспансию Запада на Ближнем Востоке, в Закавказье и Центральной Азии.

Поэтому Россия должна помочь Ирану укрепить военный потенциал путем поставок передовых систем вооружений, в том числе крылатых ракет, систем ПВО, ПРО и средств радиоэлектронной борьбы. Также важно поддержать политику Ирана по содействию освободительной борьбе шиитских общин в Йемене, Саудовской Аравии и Бахрейне. Падение марионеточного прозападного режима в Саудовской Аравии отвечало бы интересам России, так как не только усилило бы геополитические позиции Ирана и России в регионе, но и способствовало бы повышению мировых цен на нефть. Проиранские силы могут в перспективе взять власть в Ираке. Тогда в регионе сформировался бы своего рода шиитский «трояственный союз» во главе с Ираном с участием Ирака и Сирии, имеющий к тому же выход к Средиземному морю. Это стало бы стратегическим кошмаром для Запада.

Между тем, военное присутствие России в Сирии позволяет иметь военно-политический плацдарм в Средиземноморье. Причем сейчас возникла уникальная возможность существенно расширить это присутствие, развернув в дополнение к военно-морской еще и военно-воздушную базу на постоянной основе. А это создаст стратегическую угрозу южному флангу НАТО и его морским коммуникациям в восточном Средиземноморье.

В этой ситуации Турция, как главная опора южного фланга НАТО, оказывается в стратегическом окружении. Между тем, кроме Турции воевать против России в этом регионе просто некому. Военные возможности Румынии мизерны. А такие страны как Болгария, Греция, Македония и Словения не способны оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления российским ВС, да и вряд ли захотят всерьез воевать против России. Что касается Сербии то в случае войны России с НАТО она может даже выступить на стороне России с целью вернуть Косово и реинтегрировать Черногорию. Поэтому нейтрализация военного потенциала Турции может резко поменять расклад сил в Средиземноморье, на Балканах и в Южной части постсоветского пространства. Между тем, нынешняя ситуация в Сирии вполне позволяет это сделать.

Поддержав в свое время политику Запада по свержению Башара Асада, Турция попала в стратегический капкан. Потеря сирийским правительством контроля над значительной частью территории страны, привела к самоорганизации курдских общин, которые фактически сформировали псевдогосударственное образование на северо-востоке Сирии. Это происходит на фоне того, что в Ираке курды уже добились широкой автономии и сейчас балансируют на грани провозглашения независимости. В этих условиях курды Турции также возобновили борьбу против центрального правительства. Если вслед за иракским, возникнет еще и сирийский Курдистан, то отделение курдских провинций от Турции станет неизбежным. А это, скорее всего, приведет к развалу всей Турции.

В любом случае активизация освободительной борьбы курдов, особенно если эта борьба получит внешнюю поддержку, потребует задействования существенных военных сил Турции и ослабит ее возможности как главной опоры НАТО в регионе. Возникновение на территории Сирии самодостаточной курдской автономии в купе с курдами Ирака и самой Турции втянет Анкару в бесконечную войну на истощение. Развалу Турции также может содействовать использование алавитского фактора внутри этой страны. Алавиты, совместно с шиитами, составляют от 20 до 30% населения Турции. Развертывание сете-

центрической войны против Турции по алавитскому вопросу может стать действенным ответом правительства Башара Асада на политику Анкары по поддержке антиправительственных террористических группировок в Сирии.

Еще одним направлением ослабления южного фланга НАТО могло бы стать расширение военного взаимодействия с Сербией, причем, не только в плане военно-технического сотрудничества, но и в плане создания полноценного оборонительного союза и размещения в Сербии российской военной базы, которая бы позволила Белграду предотвратить дальнейшую дезинтеграцию страны и в то же время держать под ударом базы НАТО в Италии и на юге Германии, а также в случае появления баз НАТО в Венгрии. Такое присутствие было бы также полезно для того, чтобы держать под прицелом американскую систему ПРО на юго-западе Румынии (Давеселу).

В целом в Европе надо сконцентрироваться на «слабых звеньях» европейской интеграции, стимулируя их интерес к экономическому и политическому сотрудничеству с Россией. То есть использовать ту же тактику, которую Брюссель применяет к странам постсоветского пространства, рисуя им радужные перспективы сотрудничества с ЕС. Такие возможности сейчас существуют в отношении Болгарии, Словакии, Венгрии, Греции, Македонии, Черногории. Даже если такая политика и не приведет к переориентации указанных стран на Россию, она вынудит Запад тратить больше ресурсов на оказание им экономической помощи и соответственно снижать расходы на других геополитических направлениях. Необходимо также оказывать более масштабную помощь борьбе русских общин Латвии и Эстонии за свои права, что будет вынуждать НАТО увеличивать расходы на обеспечение обороны Прибалтики. Но поскольку география Прибалтики делает ее оборону со стороны НАТО физически невозможной, то эти средства будут потрачены впустую.

С другой стороны, следует отказаться от бессмысленных попыток внести раскол между США и Евросоюзом и тратить на эту бесперспективную политику российские ресурсы. Как показал исторический опыт, эта политика с самого начала являлась провальной, она никогда не давала результатов и не даст в будущем. Западноевропейские элиты слишком глубоко интегрированы с американскими, слишком зависят от них в плане безопасности и экономического процветания, чтобы дистанцироваться от США. В этом смысле различные концепции Европы, от Атлантики до Владивостока и интеграции между ЕС и ЕАЭС пора сдать в архив.

Перечисленные шаги по укреплению многополярности мировой системы должны ускорить процесс изменения мирового баланса сил не в пользу Запада. В случае же, если России удастся совершить реальный рывок в военно-технической области, то в мире после 2021–2022 годов может сложиться совершенно неожиданная конфигурация сил, противостоящих западной ЛЧЦ. Как следствие, опасному, но наиболее вероятному сценарию «Глобального военно-силового противоборства» может быть противопоставлен позитивный сценарий развития МО. Условно говоря, речь может идти о принуждении Запада к сценарию «Согласованного перехода к многополярной системе международных отношений». Пока этот позитивный сценарий находится в группе возможных сценариев, но при определенных обстоятельствах он может стать наиболее вероятным сценарием развития МО.

Глава VII

От управления рисками к управлению стойкостью: смена парадигмы информационно-технологического обеспечения стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности

Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности предназначена для обеспечения ситуационной осведомленности лиц, принимающих решения. В предлагаемой концепции системы особое внимание уделено идее использования результатов фундаментальных исследований проблемы взаимодействия между человеком и машиной в процессе ориентации человека в сложной пространственно-временной обстановке, принятии решения и действия.

Существующая парадигма комплексного обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности, основанная на управлении рисками, с одной стороны, пока еще обеспечивает приемлемый уровень рисков по отдельным видам угроз (но не для множественных угроз), а с другой стороны, по-видимому, уже близка к исчерпанию своих возможностей и настоятельно требует своего развития и модернизации.

Для смены парадигмы комплексного обеспечения безопасности (от доминирующего сегодня подхода, ориентированного на опасности/угрозы к подходу, базирующемуся на доступных ресурсах) необходима как концептуальная научная разработка самого понятия «стойкость сложных систем», так и её операционная детализация для практических применений в виде новых методов анализа, инженерных инструментов и методик проектирования нештатных или чрезвычайных ситуаций (НШЧС).

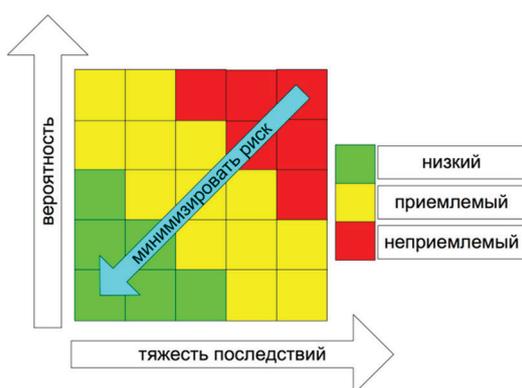

Рис. 1. Существующая парадигма комплексного обеспечения безопасности («управление рисками») — минимизировать риски путем снижения вероятности и/или тяжести последствий НШЧС.

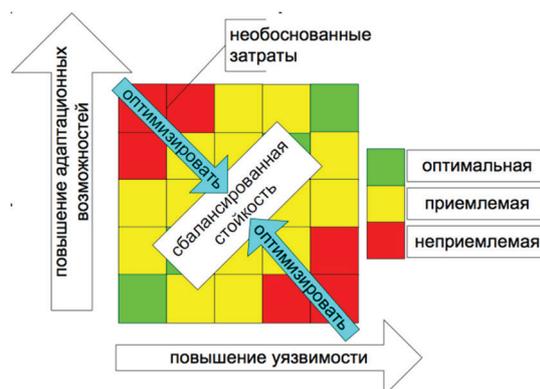

Рис. 2. Инновационная парадигма комплексного обеспечения безопасности («управление стойкостью») — оптимизировать стойкость системы путем риск-информированного управления уязвимостями и доступными адаптационными возможностями.

Стойкость системы — это её внутренне присущая способность целенаправленно:

- сопротивляться (поддерживать функции, структуру и управление) действию не установленных множественных (комбинированных) опасных воздействий;
- абсорбировать (амортизировать) последствия кратковременного воздействия опасных факторов;
- адаптироваться (путем непрерывного развития за счет внутренних ресурсов или помощи извне) во время НШЧС или восстанавливаться после НШЧС с контролируемым изменением основной функциональности.

Стойкость должна стать осознаваемой целью и стандартом для всех ведомств и организаций, связанных с комплексным обеспечением безопасности систем высокой ответственности.

Для систем высокой ответственности стойкость определяется, как минимум, тремя «размерностями»:

- операционное понимание ситуации (ОПС),
- существующими уязвимостями системы (СУ),
- доступными адаптационными ресурсами (ДАР) системы и его окружения.

Разработка парадигмы «управление стойкостью» нужна не для замены, а для дополнения и расширения существующего подхода «управление рисками» с более детальным и полным учетом организационных, экономических реалий и существующих уязвимостей систем высокой ответственности (эволюционный подход, нацеленный на сохранение всех достоинств действующей концепции). Парадигма «управление стойкостью» — естественное развитие и расширение парадигмы «управление рисками».

Учитывая сложность процессов стратегического планирования, установления взаимосвязей и контроля исполнения стратегических показателей в деятельность органов государственной власти разрабатывается соответствующая многоуровневая информационно-аналитическая система. Она предназначена для поддержки стратегического планирования, управления и контроля в Российской Федерации с применением современных информационно-аналитических и экспертно-аналитических технологий.

Система реализуется на технологической основе системы распределенных ситуационных центров органов государственной власти, работающих по единому регламенту, разработка которой предусмотрена «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации».

С учетом вышеизложенного требования к технологической архитектуре указанной информационно-аналитической системы сводятся к тому, что эта архитектура в интересах национальной безопасности должна обеспечивать реализацию следующих функций:

- автоматизировать процесс подготовки и представления в высшие органы государственной власти аналитической информации о деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации по исполнению стратегических документов, государственных и федеральных целевых программ;
- обеспечивать компьютерный ввод и хранение реестра стратегических документов федерального и регионального уровней с выделением контрольных значений таких реквизитов, как: цели, задачи, приоритетные направления действий, мероприятия;

- осуществлять повсеместный сбор статистической, социологической, экспертной информации, а также материалов СМИ с привязкой к 4-уровневой (как минимум) иерархической системе реквизитов стратегических документов;
- классифицировать поступающую информацию для определения значений и динамики сегментированных угроз и их характеристик;
- определять потребительские характеристики динамически сегментированного рынка государственных услуг для обеспечения роста качества последних;
- производить всеобъемлющую оценку состояния выполнения стратегических документов, актуальности и причин возникновения проблем, ключевых факторов успеха, эффективности деятельности органов власти;
- помогать в выработке и обосновании эффективных решений по выполнению стратегических документов с применением компьютерного моделирования, визуализации, средств виртуального сотрудничества и ситуационной осведомленности.

Контроль исполнения стратегических документов должен осуществляться в установленном порядке на основе информации, поступающей от руководителей федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также предприятий, учреждений и организаций независимо от их форм собственности.

Информационно-аналитические и экспертно-аналитические средства функционирования системы, соответствующей, технологической архитектуре стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности, должны быть направлены на обеспечение:

- упреждающего выявления угроз и рисков исполнения стратегических решений на основе обработки оперативной и ретроспективной информации;
- концептуального и имитационного моделирования стратегических ситуаций для выявления наиболее актуальных проблем и вопросов, обоснования проектов стратегических решений;
- организации в сети распределенных ситуационных центров сетевых экспертиз, проведения стратегических совещаний с подключением внешних экспертов;
- определения таких комплексных воздействий на совокупности факторов и обстоятельств, которые обеспечат наибольший стратегический эффект и др.

Теоретический анализ и практические примеры свидетельствуют о том, что дальнейшее развитие государственной системы стратегического планирования невозможно без интеграции монопрофильных ситуационных центров (СЦ) в единую систему.

Указанная крупномасштабная и сложная проблема имеет множество важных организационных, технологических и других аспектов. Описанные ниже подходы следует рассматривать как систему целей или ориентиров, достижение которых дает возможность системной интеграции монопрофильных СЦ практической реализации.

Сетецентрический подход. Описанные ниже в данном разделе принципы интеграции является адаптацией доктрины «сетецентрической войны» к проблеме интеграции монопрофильных СЦ в систему комплексного управления ЧС.

Принцип 1. Использование возможностей широкополосных сетей связи и коммуникаций, включая беспроводные, и поддерживающих их информационных технологий улучшает обмен информацией.

Принцип 2. Обмен несекретной информацией повышает качество информации (с точки зрения её достоверности и точности) и объём «совместно используемой ситуационной информированности».

Принцип 3. Наличие своевременно сформированной «совместно используемой ситуационной информированности» делает возможным сотрудничество и самосинхронизацию различных подразделений, повышает устойчивость и скорость выполнения всего цикла стратегического планирования, повышает эффективность организации в целом.

Создание интегрированной системы стратегического планирования переводит гетерогенную в настоящее время совокупность монопрофильных СЦ в перспективе в класс Грид-структур, что позволит усилить адаптационные возможности за счет рационального использования распределенных ресурсов. В задачах стратегического планирования это полезно. Использование Грид-технологий, в частности, позволит повысить потенциал устойчивости планирования, что всегда актуально, поскольку сама интегрированная система может стать объектом разрушительных воздействий (например, террористического характера). Выход из строя отдельных её элементов, а при массивном воздействии — целых фрагментов, компенсируется за счет разумной избыточности и дублирования функций. То и другое заранее отрабатывается в интегрированной системе по сценарной схеме, что весьма затруднительно реализовать в среде монопрофильных СЦ.

Обмен точной, своевременной и понимаемой единым образом информацией является необходимым, но не достаточным условием эффективного стратегического планирования. В данном разделе — в соответствии с выбранной темой в заголовке темой — мы не будем касаться вопросов о возможных организационных, архитектурных, и технологических решениях, которые должны быть положены в основу интегрированной системы и ограничимся только экспликацией базовых принципов, обеспечивающих беспрепятственный обмен информацией внутри организации как по вертикали, так и по горизонтали.

Существующие системы защиты населения и критически важной инфраструктуры основаны на устаревших принципах, заложенных в середине прошлого века, и являются «кальками» с военных доктрин и боевых уставов армий экономически развитых стран 40–50-х годов:

(1) принцип «ориентированность на опасность» предполагает, что главное (как и на войне) — победа «любой ценой» над отдельной опасностью, которая рассматривается как главная угроза. Подсчет необходимых ресурсов и оценка возможности достижения поставленных — дело второстепенное.

(2) принцип «детерминированности» предполагает, что поставленные цели будут достигнуты в соответствии с составленными планами действий. Планирование защитных операций ведется на основе упрощенных моделей как опасных явлений, так и систем защиты. Большинство моделей основано на эмпирических закономерностях, имеющих ограниченную точность и слабый предсказательный потенциал, поскольку они были получены во времена «холодной войны» в результате исследований, ориентированных, прежде всего на повышение эффективности вооружений, а не средств защиты.

Наш подход к анализу ситуации и принятию решения включает следующие технологические инструменты и математические методы:

- (1) виртуальное повествование для идентификации проблемы и постановки задач;
- (2) серьезные игры для формирования сценариев, выбора критериев оценки;

- (3) рассуждающие сети для выбора оптимального решения;
- (4) дискретный событийный анализ и сетевые модели принятия решений;
- (5) метод Неогеографии для работы с геопространственной информацией;
- (6) системы визуализации и виртуального окружения (ВО) для визуального анализа;
- (7) Грид-технологии для эффективного доступа к территориально распределенным ресурсам;
- (8) семантическая паутина для эффективного поиска релевантной информации при оперативном ситуационном анализе.

Виртуальное повествование. На этапе идентификации проблемы и постановки цели используется технология виртуального повествования [29, 30]. Виртуальное повествование (virtual storytelling) — новый жанр компьютерных приложений, сочетающий в себе черты виртуального тренажера, интерактивной модели, компьютерной игры. Его основная отличительная особенность — это нарративная (повествовательная) направленность, причем участники виртуального повествования выступают не в качестве пассивных слушателей, а в роли активных действующих лиц, непосредственно влияющих на сюжет виртуальной истории.

Виртуальное повествование — это инновационная интерактивная технология, которая обеспечивает погружение пользователя в виртуальный мир с использованием технологии ВО и включает пользователя в определенный сюжет (сценарий) в качестве действующего лица. Основной задачей виртуального повествования является информирование или обучение, при этом пользователь играет активную роль в прохождении сюжета и имеет определенную свободу действий в виртуальном мире.

Серьёзные игры. На стадии формирования сценариев виртуальные многоролевые игры будут использованы в качестве платформы для ситуационного моделирования. Решение основано на результатах исследования возможностей виртуальной Интернет-среды Second Life [31] как универсальной платформы для моделирования сложных разнородных критических ситуаций с высоким риском. Серьёзные ролевые игры позволяют «проигрывать» разнообразные варианты развития ситуаций и учитывать влияние различных факторов: человеческого, техногенного, природного и др.

Традиционный ситуационный анализ проблемной (конфликтной) обстановки ограничен в своих возможностях из-за трудностей оценки риска и меняющихся субъективных вероятностей выбора альтернатив, а также рангов рефлексии основных акторов (персонажей). Ситуационное моделирование — это процесс построения и анализа формализованных моделей реальных ситуаций, возникающих в технических, организационных, социально-экономических, научных и др. сферах деятельности человека.

В настоящее время ситуационное моделирование — это один из наиболее эффективных способов анализа сложных, разнородных и критических ситуаций, возникающих в процессе функционирования организационно-технических комплексов, социально-экономических институтов и др.

Распространенные способы анализа ситуаций (а, именно, экспертное обсуждение и имитационное моделирование) не позволяют производить детальный анализ сложных ситуаций, на развитие и исход которых влияет большое количество неявных и трудно поддающихся учету и моделированию факторов, в частности человеческий фактор. Имитационные и другие математические методы моделирования требуют формализованного

описания ситуации, что не всегда возможно. Методы экспертной оценки ситуации не позволяют производить детализированный анализ ситуации и моделирование её развития с высокой точностью.

В то же время ролевые игры позволяют проигрывать разнообразные варианты развития сложных ситуаций, на которые влияют различные факторы: человеческий, техногенный, природный, фактор неожиданности и проч. Таким образом, ролевые игры зачастую оказываются единственным способом анализа сложных и разнородных ситуаций.

Технология ВО позволяет провоцировать и анализировать действия и реакции пользователей осуществляемые ими в моделируемых в виртуальном мире ситуациях. Пользователи отождествляются со своим виртуальным персонажем — аватаром — и погружаются в виртуальный мир; их подсознательные реакции становятся близкими к реакциям в реальном мире, возникающим при аналогичных условиях. Таким образом, неподдающийся строгому анализу и прогнозированию механизм подсознания человека может быть учтен при моделировании ситуаций.

Серьёзные игры — новое явление в применении технологий визуального моделирования и ВО. Серьёзная игра — это интеллектуальное состязание, проводимое с помощью компьютера по определенным правилам. Серьёзные игры применяются для моделирования и воспроизведения поведения компьютерных персонажей, сюжетов и человеческих эмоций — для введения когнитивного элемента в ситуационный анализ. В серьёзных играх используются технологии аналогичные тем, на которых построены в развлекательных играх, но в мире они используются в сфере обороны и безопасности, в государственной политике, в образовании и обучении.

Можно сделать вывод, что использование технологий серьёзных игр, в частности, Second Life, представляется весьма эффективной для аналитической поддержки ситуационного анализа, а также в области исследований поведения человека, человеческого фактора и его влияния на различные социальные, технологические, организационные и иные процессы.

Сетевые модели принятия решений. Рассуждающие сети являются одной из моделей корпоративного принятия решений, когда учитывается психология участников, принимающих решения. Рассуждающие сети используют модели рефлексивных рассуждений, когда принимающий решения ставит себя на место другого субъекта в корпорации и проводит рассуждения за него. Рассуждающая сеть представляется графом в виде ярусно-параллельной формы. Вершины графа интерпретируются булевскими высказываниями (рассуждениями), а дуги подстановками значений переменных от одного рассуждения к другому. Для иллюстрации поведения таких сетей приводится пример совместного принятия решений в гипотетическом правительстве, которое состоит из трёх министров — министра промышленности, министра социальных программ и министра финансов. Рассматриваются два примера работы правительства: в режиме полной информированности и с «фантомной» моделью одного из министров, когда он строит ошибочную модель рассуждений за других участников кооперации.

Принятие решений предполагает выбор или конструирование управленческих воздействий на объект управления. При этом предполагается, что имеется два компонента: модель объекта и правила принятия решений управляющего органа. Необходимость управления возникает тогда, когда в реальных объектах проходят изменения характеристик, которые

воспринимаются в виде событий, угрожающих возникновению «плохих» ситуаций с точки зрения управляющего органа. Здесь рассматриваются только логические правила принятия решений коллективным органом управления, которые являются «вершиной айсберга» плана воздействий на угрожающую ситуацию. Логические правила представляют собой обычные «человеческие» рассуждения, облаченные в форму булевских выражений. Для построения сложных «человеческих» рассуждений приходится вводить рассуждения над рассуждениями всех участников коллегиального (корпоративного) управляющего органа. Для этих целей вводится специальная сеть рассуждений, содержащая цепочки рассуждений каждого члена корпорации с перекрестным учетом выбора парирующих воздействий. Такая сеть может учитывать даже психологические «капризы» участников корпорации.

Как показывает практика, на всех этапах анализа ситуации и принятия решения, наиболее проблемным звеном является отсутствие связи между математическим аппаратом формализованных моделей и программной реализацией интеллектуальных систем для событийного анализа поведения объектов и методик управления сложными процессами моделирования нештатных ситуаций. Работы, посвященные формализованной модели рассуждающей событийной сети Ван-Хао, позволяющей ввести расширенную интерпретацию и проводить анализ параллельно текущих и циклических процессов возбуждения в сети, несомненно является весьма серьезным научным и технологическим вкладом в решение упомянутых проблем.

Пока теоретические исследования сетевых событийных моделей значительно отстают от их практического использования. Недостаточность теоретического обоснования дискретного событийного анализа приводит к созданию программных продуктов, дающих семантически противоречивые и обладающие затруднительной интерпретацией результаты.

Теория строится для рассуждающих сетей, где взаимосвязь между событиями описывается логическим утверждением, которое имеет вид рассуждения о причинно-следственном отношении пары событий. Необходимо отметить, что качественные рассуждения всегда предшествуют построению любых моделей, поэтому формализм рассуждающих сетей может играть важную роль в практике принятия решений. Эта конструктивная теория развивается для простого вида сетей, так называемых сетей Ван-Хао, когда события могут принимать всего два вида значений: «увеличение» или «уменьшение» характеристики некоторой сущности сети, а причинно-следственная связь задается дискретной функцией между этими значениями. Несмотря на простоту сетей Ван-Хао, они служат событийными моделями прохождения параллельных процессов возбуждения в различных реальных сетях, например, в Интернет/интранет, в Грид и т.д.

В развиваемой теории сетей Ван-Хао последовательно раскрывается семантика их использования как моделей параллельных взаимодействующих цепочек событий. Операционная семантика разрешается с помощью построения процессорной сети, в которой вершина соответствует генератору события, а дуга — функции, запускающей это событие. Семантика прохождения возбуждения через сеть реализуется с помощью построения Joiner-сети, которая является обобщением сети Петри. Семантика состояний сети и переходов из одного состояния в другое реализована с помощью построения специального асинхронного автомата Малера. Автомат содержит функции перехода во множество возможных состояний, что в некотором смысле является дискретным аналогом принципа неопределенности.

Представленный теоретический аппарат и его программная реализация были опробованы на примерах событийных моделей в различных областях техники, экономики, моделях энергетических катастроф.

Новый метод работы с географической информацией. Принципиально новые географические продукты, появившиеся в последние годы, имеют ряд характерных особенностей, осознанных как появление нового метода в работе с географической информацией. Он получил условное наименование «Неогеография».

В июне 2005 года в сети Интернет появился сервис (геоинтерфейс) Google Earth, отличающийся от обычных и цифровых карт, а также ГИС целым рядом признаков. Новый сервис быстро завоевал популярность, стали появляться его многочисленные функциональные аналоги.

Появление не просто нового сервиса или новой технологии, но именно нового принципа в работе с геопространственной информацией было обозначено уже к концу 2006 года, когда он получил условное наименование «Неогеография». Согласно определению, Неогеография — это новый принцип, или метод работы с геопространственной информацией, отличающийся от предыдущих (бумажных и цифровых карт и ГИС) тремя признаками:

- использование географических, а не картографических, систем координат;
- применение растрового, а не векторного представления географической информации в качестве основного;
- использование открытых гипертекстовых форматов представления геоданных.

Новый метод обеспечивает новое качество в работе с локализованной в пространстве и во времени информацией, характеризующееся рядом особенностей:

- представлении информации о местности с минимальным использованием характерных картографических условностей за счёт применения для представления контекста местности с помощью инструментального, «фотографически» точного источника данных — изображений местности (данных дистанционного зондирования, ДДЗ);
- стирании грани между географическими и топографическими продуктами («картами» в классической терминологии) за счёт возможности (благодаря использованию не картографических проекций, но единой глобальной геоцентрической системы координат) плавного изменения эквивалентного масштаба в широчайших пределах — от глобального до сверхдетального;
- появлении среды массового создания геоданных самими пользователями системы и агрегации этих данных (технология wiki).

Новые продукты позволяют локализовывать информацию (объекты, процессы, явления и т.д.) не в виде проекций на плоскость, но непосредственно в геоцентрической системе координат, без проецирования её куда бы то ни было. Пользователь получает возможность оказаться «внутри данных», воспринимая обстановку под произвольными ракурсами, а не исследовать их плоский образ «снаружи», как это только и возможно в рамках метода картографического.

В случае ЧС или боевых действий взаимодействие с системой поддержки принятия решений должно происходить на наиболее простом и естественном для человека уровне. Именно такой способ предоставляет технология виртуального окружения, которая может применяться как средство визуализации на стадии инициации для предотвращения ЧС, а также после высвобождения факторов риска для эффективного реагирования.

**ПРОЕКТ
ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИИ**

Глава I

Общие положения

1. Предмет регулирования настоящего Федерального конституционного закона.
 - Настоящий Федеральный конституционный закон определяет основные принципы, цели, средства и содержание деятельности по обеспечению национальной безопасности и национальному развитию, а также вытекающим из этого другим видам безопасности.
 - Настоящий Федеральный конституционный закон регулирует функции федеральных, региональных и местных органов власти, а также институтов гражданского общества, бизнеса и отдельных граждан в области обеспечения национальной безопасности и национального развития.
 - Настоящий Федеральный конституционный закон устанавливает правовые основы национального и государственного стратегического планирования, координации и консолидации всех органов власти, общественных институтов, граждан и бизнеса в интересах максимально эффективной реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации на долгосрочный период до 2050 года.
2. Содержание деятельности по обеспечению национальной безопасности и развитию.
 - Деятельность по обеспечению национальной безопасности и развитию включает в себя:
 - а. Анализ и оценку текущего состояния международной и военно-политической обстановки с точки зрения выявления существующих угроз Российской Федерации и ее существенным национальным интересам.
 - б. Прогнозирование развития международной и военно-политической обстановки, анализ и оценку возможных опасностей и угроз безопасности и развитию Российской Федерации в среднесрочной и долгосрочной перспективе.
 - в. Выработку эффективной стратегии по парированию текущих и перспективных внешних и внутренних угроз безопасности РФ и формулирование государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, а также стратегическое планирование в области обеспечения национальной безопасности и развития.
 - г. Правовое регулирование в области обеспечения национальной безопасности и развития.
 - д. Разработку и применение наиболее эффективных средств, способов и мер по прогнозированию, предупреждению и устранению угроз безопасности и развитию нации.
 - е. Применение всего комплекса мер по обеспечению безопасности и развития.
 - ж. Организацию научной, образовательной, конструкторской деятельности в области обеспечения безопасности.
 - з. Распределение национальных ресурсов, включая финансирование мер обеспечения безопасности и развития.

3. Правовая основа безопасности.

- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2050 года — официально признанная и утвержденная в виде Федерального конституционного закона система взглядов и мер в области внутренней и внешней политики, обеспечивающих высокий уровень национальной безопасности и опережающие темпы национального, культурного, духовного и социально-экономического развития в целях максимально полной реализации потенциала, как отдельной человеческой личности, так и всей нации.
- Концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития, объединенные и утвержденные в настоящей Стратегии национальной безопасности, являются обязательной политико-правовой основой для всех прогнозов, стратегий, концепций и планов обеспечения национальной безопасности и развития во всех областях, отраслях, регионах и муниципальных образованиях и для всех органов власти, организаций, бизнеса и граждан.
- Настоящая Стратегия является базовым документом, лежащим в основе всех федеральных законов и нормативных актов по обеспечению национальной безопасности и социально-экономическому развитию до 2050 года, основой для координации действий и конструктивного взаимодействия всех ветвей власти и органов управления, а также институтов гражданского общества, граждан и негосударственных экономических, финансовых и других организаций.
- Основная задача настоящей Стратегии состоит в формировании и поддержании максимально благоприятных внутренних и внешних условий для развития нации и государства, в основе которых лежит сохранение и максимально полная реализация потенциала каждой человеческой личности.

4. В условиях дальнейшего ухудшения международной обстановки, обострения традиционных и появления новых угроз для развития личности, нации, общества и государства, настоящая Стратегия предназначена для консолидации усилий всей нации, всех органов власти, организаций и граждан, и использования максимально эффективных механизмов реализации ее потенциала.

5. В настоящей Стратегии используются следующие основные понятия:

- **национальная безопасность** Российской Федерации (далее — национальная безопасность) — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация Конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие.

Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и ее законодательством, прежде всего, государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую и безопасность личности.

- **национальные интересы** Российской Федерации — осознанные российским обществом объективные потребности российской нации.
- **угрозы национальной безопасности** — явления внутрироссийского или международного характера, способные нанести прямой или косвенный ущерб национальной безопасности РФ как в настоящий момент, так и в будущем.

- **стратегические национальные приоритеты** Российской Федерации — важнейшие направления развития российской нации.
- **обеспечение национальной безопасности** — реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов;
- **система обеспечения национальной безопасности** — совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов.

Глава II

Стратегический прогноз развития международной обстановки и России в первой половине XXI века

6. Развитие России в первой половине XXI века будет происходить в неблагоприятных внешних условиях обострения борьбы между локальными человеческими цивилизациями (ЛЧЦ), нациями и государствами в трех ключевых областях, а именно за:
 - лидерство в области формирования и продвижения систем ценностей, норм и правил, существующих у стран-лидеров ЛЧЦ;
 - продвижение национальных интересов в финансово-экономической и военно-политической областях как гарантии для обеспечения максимально выгодных внешних условий существования, закрепленных в новой международно-правовой системе;
 - перераспределение природных ресурсов и известных запасов, а также территорий, акватории и транспортных коридоров.
7. В качестве наиболее вероятного сценария развития международной обстановки в первой половине XXI века следует рассматривать сценарий военно-силового противоборства основных локальных человеческих цивилизаций — западной, во главе с США, китайской, индийской, российской и ряда других, — каждая из которых будет преследовать собственные глобальные и региональные цели, реализуемого в нескольких вероятных вариантах — «переговорно-силовом» («оптимистическом»); «военно-силовом» («пессимистическом»); «промежуточном» («реалистическом»).
8. Наибольшую опасность представляет стратегия западной ЛЧЦ, которая нацелена на сохранение полного контроля над сложившимися в XX веке исключительно благоприятными для нее финансово-экономическими и военно-политическими системами, любыми средствами и способами (включая массированное применение военной силы).

9. В этих крайне неблагоприятных условиях для России у нее по существу остается два возможных варианта национальной стратегии поведения в целях выживания и дальнейшего сохранения нации и государства.

— **Первый вариант** Стратегии предполагает частичный отказ от системы национальных ценностей и национальных интересов в пользу «универсальных» ценностей и интересов западной ЛЧЦ и максимально полную интеграцию с ней при понимании того, что в будущем будет очень высокая степень вероятности потери национальной идентичности и суверенитета, а также территориальной целостности.

— **Второй вариант** Стратегии предполагает полную национальную мобилизацию и концентрацию ресурсов всего общества на противодействии развитию внешних и внутренних опасных тенденций и угроз, предполагающую определенные экономические, социальные и иные дополнительные издержки.

Выбор между этими двумя вариантами стратегии национальной безопасности означает для России и нации цивилизационный выбор — сохраниться ли уникальной евразийской цивилизации на территории восточной Евразии, либо интегрироваться и раствориться цивилизационно, территориально и ресурсно в западной ЛЧЦ, переняв, в конечном счете, ее систему ценностей, нормы и интересы в качестве национальных, как это произошло для большинства европейских государств.

Глава III

Система национальных ценностей и интересов

10. В основе Стратегии национальной безопасности лежит система национальных ценностей и интересов, сложившихся к настоящему времени. Она представляет собой объективную реальность, в которой сформировалась нация, на протяжении всего периода ее существования, институты государства и общество. Система приоритетов национальных ценностей и интересов представляет собой основу всей стратегии национальной безопасности. Эта система обуславливает следующие стратегические национальные цели (приоритеты):

- количественный рост и качественное развитие нации и ее человеческого капитала, которые измеряются:
 - демографическими показателями;
 - душевым доходом;
 - уровнем образования;
 - качеством культуры, науки и искусства.
- сохранение самоидентификации нации, ее суверенитета, территориальной целостности, контроля над природными ресурсами, пространством и транспортными коридорами;
- экономическую и технологическую мощь нации и государства, конкурентоспособность и ведущую роль в мировой торговле.

Глава IV

Цели и задачи «Стратегии»

11. Система национальных ценностей и интересов практически воплощается в политических целях и задачах, сформулированных руководством страны при активном участии всех граждан, государственных и общественных институтов нации.
12. С точки зрения внешнеполитической, эти задачи включают в себя:
 - обеспечение максимально благоприятных внешних и внутренних условий для развития нации и государства, исключающих угрозу войны или военного конфликта;
 - содействие социально-экономическому, научно-техническому и культурному развитию нации; предполагающее развитие высокого уровня сотрудничества России с другими ЛЧЦ, государствами, международными организациями и акторами в интересах ускоренного развития;
 - эффективную защиту национальной идентичности и человеческого капитала от внешнего влияния и попыток деформировать национальную систему ценностей.
13. С точки зрения внутривнутриполитической, основная цель развития заключается в ускоренном росте и развитии национального человеческого капитала и его институтов в России и традиционных территориях его обитания и распространения. Эта цель конкретизируется в постановке следующих задач:
 - быстрые темпы демографического роста населения страны при улучшении основных показателей его физического, интеллектуального, нравственного и духовного здоровья;
 - достижение максимально высоких показателей душевого дохода в расчете на одного гражданина сопоставимого с аналогичными показателями стран-лидеров мировой экономики;
 - предоставление возможности получения бесплатного высшего и среднего образования и переподготовки на протяжении всей жизни человека;
 - предоставление всего спектра медицинских услуг на уровне мировых стран-лидеров в области здравоохранения;
 - предоставление всех возможностей для интеллектуального и творческого развития личности на протяжении всей жизни человека.

Глава V

Внешние условия развития нации и реализации «Стратегии»

14. Внешние условия развития нации должны в минимальной степени угрожать ее безопасности, негативно влиять на темпы ее социально-экономического развития и подвергать сомнению или пересмотру заявленные цели и задачи политики.

15. Внешние условия, вызовы и угрозы в минимальной степени должны влиять на общество и правящую элиту нации.
16. Внешние условия, вызовы и угрозы в минимальной степени должны влиять на систему национальных ценностей и национальные интересы.

Глава VI

Ресурсное обеспечение реализации «Стратегии»

17. Главная задача эффективной политики в области использования национальных ресурсов — максимальное их применение в целях национального развития.
18. Государственная политика Российской Федерации в области национальной безопасности и развития обеспечивается согласованными действиями всех элементов власти в целях максимально эффективного использования всех национальных ресурсов и возможностей посредством реализации комплекса мер политико-идеологического, организационного, нормативно-правового и информационного характера.
19. Наибольшее значение среди всех видов ресурсов в XXI веке имеет национальный человеческий капитал, обеспечивающий максимальную долю экономического роста и качества социально-экономического развития. Развитие этого возобновляемого важнейшего национального ресурса, опережающими темпами, становится условием опережающего развития нации и государства.

Глава VII

Полномочия федеральных, региональных и местных органов власти, а также институтов гражданского общества и отдельных граждан в области обеспечения национальной безопасности и развития

20. Полномочия Президента Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности и развития.
Президент Российской Федерации:
 - Формирует и возглавляет национальную военную организацию, в которую входят все органы власти, институты и негосударственные организации, а также отдельные граждане.
 - Определяет основные направления обеспечения национальной безопасности и развития.

- Устанавливает компетенцию органов власти и институтов гражданского общества в обеспечении национальной безопасности и развития.
 - Вносит на обсуждение и утверждение Федеральным Собранием Стратегию национальной безопасности.
 - Утверждает правовые акты, конкретизирующие положения «Стратегии» в ее отдельных (внешнеполитических, военных, экономических, социальных и др.) аспектах.
21. Полномочия палат Федерального Собрания Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности и развития.
- Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации:
 - а. рассматривает принятые Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации федеральные законы в области обеспечения национальной безопасности и развития;
 - б. утверждает указ Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения;
 - в. рассматривает принятую Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации по представлению Президента России Стратегию национальной безопасности и организывает ее обсуждение в региональных и местных органах власти, а также среди институтов гражданского общества и отдельных граждан.
 - Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации:
 - а. принимает федеральные законы в области обеспечения национальной безопасности и развития;
 - б. организывает обсуждение и принимает Федеральный конституционный закон «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»;
 - в. принимает в случае необходимости федеральные законы, развивающие и конкретизирующие указы Президента Российской Федерации в области национальной безопасности и развития, включая законы, обеспечивающие их реализацию соответствующими ресурсами.
22. Полномочия Совета безопасности.
- Совет Безопасности в соответствии с Федеральным законом от 05.10.2015 №285-ФЗ конституционный совещательный орган осуществляющий:
 - а. подготовку решений Президента Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности, организации обороны и социально-экономического развития Российской Федерации;
 - б. координацию деятельности всех национальных органов власти, институтов гражданского общества и граждан в области укрепления национальной безопасности и развития;
 - Совет Безопасности формируется и возглавляется Президентом Российской Федерации;
 - в целях реализации задач и функций Совета Безопасности в области укрепления национальной безопасности и развития, Президентом Российской Федерации могут создаваться рабочие органы Совета Безопасности и аппарат Совета Безопасности.

23. Полномочия Правительства Российской Федерации в области укрепления национальной безопасности и развития.
- Правительство Российской Федерации:
 - участвует в работе Совета Безопасности и выполнении задач, сформулированных в Стратегии национальной безопасности;
 - участвует в определении основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации.

Глава VIII

Политико-идеологические, организационные, нормативно-правовые и информационные основы реализации «Стратегии»

24. Реализация настоящей Стратегии обеспечивается за счет консолидации усилий и ресурсов всех органов власти, общества и его институтов, а также бизнеса, путем максимально эффективного использования всех национальных ресурсов и возможностей:
- политико-идеологических;
 - нравственно-духовных;
 - материальных;
 - финансово-экономических;
 - природных ресурсов.
25. Главным ресурсом развития и реализации Стратегии является национальный человеческий капитал, а его опережающее развитие означает главный способ увеличения всех национальных возможностей.
26. Разработка, согласование, информационно-аналитическая поддержка, координация всех положений национальной Стратегии на всех ее уровнях происходит на общенациональном уровне при координирующей роли Совета Безопасности и непосредственно под руководством Президента Российской Федерации.
27. Контроль за ходом реализации Стратегии возлагается на Президента Российской Федерации и осуществляется в рамках ежегодного послания Президента Федеральному Собранию Российской Федерации.

Научное издание

**Подберезкин Алексей Иванович, Харкевич Максим Владимирович,
Александров Михаил Владимирович и др.**

**Проект долгосрочной стратегии
национальной безопасности России
с методологическими и методическими комментариями**

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*
Оформление *В. С. Поляничева*

Подписано в печать 01.07.2016
Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 11,1. Уч.-изд. л. 5,25
Тираж . Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76